

Вернулись они
без золота,
без пряностей,
но с вновь открытыми
землями...

(С. 42)

Научные сотрудники
нам сейчас очень
нужны — будем
отбирать на конкурсной
основе...

(С. 12)

ДАГЕСТАН

№5 (152)
СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ
2018

dagjournal.ru

ВЫСТАВКУ РУКАМИ
НЕ ТРОГАТЬ

Колонка главного редактора

Чемпион разделил мир на две части

Вид спорта, которым занимается Хабиб Нурмагомедов, в народе называют бои без правил. Не знаю, с чем это связано, но этот не самый привлекательный вид спорта сегодня в мире приобрёл чрезвычайную популярность. На что обращает внимание мировая общественность, начиная от глав государств до простых смертных у телеэкранов в своём доме. Но речь не об этом.

Меня тревожит, что Хабиб стал не только спортивным, но и социальным явлением. Его успех и чрезвычайная популярность разделила мир на два непримиримых лагеря. Они, видимо, и так были разделены, но появление Хабиба послужило катализатором процесса раскола общества. Удивительное дело, бои этих лагерей тоже идут без правил, как и бои их объекта обожания и ненависти.

Для первых все, кто против чемпиона, — пятая колонна, предатели, народ, который способствует растлению нравов и морально-этическому падению. Для вторых чемпион и все его поклонники — быдло, религиозные фанатики, тёмная масса, которая тянет мир назад, в средневековье. Идёт война, и никто не жалеет патронов, все — против всех. В обвинениях обеих сторон есть как доля правды, так и неправды.

Какой выход? Что нужно для спасения общества от надвигающегося кризиса? Очевидно, что нужны те символы, примеры, которые бы послужили снятию этого напряжения и возврату людей

к своим непосредственным обязанностям: сапожника — к сапогам, токаря — к станку, доктора — к больным... А всем больным — к скорейшему выздоровлению от всей этой шумихи, грязи и информационной интоксикации.

При всём этом один факт остаётся неоспоримым — Хабиб Нурмагомедов стал символом, примером для тех, кто занимается спортом. Он прославил Дагестан в мире спорта и мотивирует спортсменов на очередные подвиги. А его противникам я бы посоветовал стать каждому Хабибом в своей области: в науке, культуре, производстве, в управлении и во всех прочих областях. Поверьте мне, Хабиб нисколько этому не помеха. Хотя кто-то со мной не согласится.

У каждого из нас своя параллельная реальность, как говорил классик: «Мы живём, под собой не чуя страны...» Ни в какой другой области, кроме как в спорте, мы не можем пойти дальше Кочубея. Стыдно признаться, но это так. Предлагаете отказаться и от спорта? Это путь в никуда. Совсем недавно мы были экспортёрами терроризма; согласитесь, чемпионы лучше, чем террористы. Я бы посоветовал критикам спорта из двух зол выбрать добро, что приносит славу нашей республике и стране.

Магомед Бисавалиев

Содержание

4 Я планов наших люблю...
Андрей Меламедов

8 Слова правильные.
Симптомы пугают
Тамерлан Магомедов

12 Портрет эпохи
в музейном интерьере
Влада Бесараб

21 Каньон,
кролики и олени
Наида Хаспулатова

30 Тепло джурабок
и объятий
Влада Бесараб

Фото в номере: Руслан Алибеков, Ирина Анохина,
Светлана Анохина, Магомед Даудов,
Багжат Дибирчуева, Владимир Ильин,
Андрей Калугин

16+

ДАГЕСТАН

№5 (152) сентябрь-октябрь 2018 г. Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

38 Сергей Лугуев.
Этика этноса

Генезис

54 Тайная тетрадь

Магомед Бисвалиев

42 Обыкновенные баски

Ирина Анохина

58 Кочевники

Дамир Саидгазин

50 Верю не верю

Умараги Салихова

60 Прощание славянки

Светлана Анохина

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии

ООО «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.

Тираж – 1200 экз.

Номер заказа –

Дата выхода –

Андрей Меламедов

Я ПЛАНОВ НАШИХ ЛЮБЛЮ...

Заниматься экономическим прогнозированием в современном Дагестане попросту невозможно. Да и какие прогнозы можно делать в регионе, который за весь последний год так и не смог понять, что его ожидает в самой ближайшей перспективе. Справедливости ради следует отметить, что некоторое понимание всё-таки есть.

Кнут для налогов

Никто не сомневается в том, что продолжатся задержания и посадки проворовавшихся чиновников. Что попытки властей «обелить» самые налогооблагаемые сектора экономики в самом ближайшем будущем обернутся тотальным наступлением на бизнес, отказывающийся заключить мировое соглашение с властью. И первыми под раздачу, очевидно, попадут владельцы заправок. Не потому, что здесь крутятся самые большие деньги, просто они оказались первыми в списке «теневиков», и поэтому им придётся отдуваться за всех остальных.

Судя по заявлениям Васильева, руководство республики ещё не скоро придёт к пониманию того, что репрессивными мерами экономику из «тени» не выдавить. Скорее всего, первые сомнения появятся у руководителя республики лишь после подведения итогов года, когда окажется, что масштабные бои с бизнесом принесли в налоговую копилку совсем немного дополнительных денег. Которых едва хватит на то, чтобы залатать свежую налоговую «дыру» в бюджете: концерн КЭМЗ — лидер промышленного производства Дагестана, в этом году снизил объёмы производства.

«Обелить» экономику отдельно взятого региона абсолютно нереально, поскольку именно «серый» сектор является фундаментом вертикали власти, возведённой в России. Без демонтажа этой самой вертикали, либерализации экономики, реформы судебной и правоохранительной систем и прочих мероприятий подобного рода бизнес по-прежнему будет платить чиновникам, а не казне. Год назад заместитель председателя правительства РФ Татьяна Голикова озвучила очень интересные данные, согласно которым более 14,4 млн россиян работают в «тени» и вообще не платят налогов. При этом, как с возмущением отметила Голикова, все они «являются потребителями социального обеспечения». Потери бюджета страны от этого, по её словам, оцениваются примерно в 5 трлн рублей в год.

На самом деле потери эти намного больше. В период, о котором говорила Голикова, по данным Госкомстата, численность официально работающих россиян составляла 71,8 млн человек или всего 65,2% от численности рабочей силы. Ещё 3,9 млн россиян (примерно 3,5%) считаются официальными безработными. Получается, что в «сером» секторе находятся 31,3% всех работающих. А это примерно 28 млн

Россия работоспособная

Белые
71,8 млн

Серые
≈28 млн

Грустные
3,9 млн+

человек — вдвое больше цифры, озвученной Голиковой. К слову, за прошедший год ситуация эта изменилась в худшую сторону — в «тень» ушли 5 млн работающих пенсионеров, которым перестали индексировать пенсии.

Если бы хотя половину всех работающих в «сером» секторе удалось перевести в «белый», не понадобилось бы никакой пенсионной реформы. Но поскольку руководство страны прекрасно понимает, что без демонтажа нынешней политической системы сделать это нереально, отдуваться пришлось пенсионерам. Как нынешним, так и будущим.

Так что экономические спецоперации Васильева априори обречены на неудачу, и выполнение главной задачи — увеличение собственных поступлений в бюджет региона — зависит только от работы реального сектора экономики. О котором сегодня в республике практически не вспоминают. Разве что на стратегических сессиях.

Танцевать от печки

О стратегических сессиях, видимо, стоит рассказать немного подробнее. Хотя бы для того, чтобы понять логику действий нынешнего дагестанского правительства. По мнению заместителя спикера НС Ками-

ла Давдиева, сессии понадобились Артёму Здунову для того, чтобы понять, «из чего мы исходим и чем обладаем», а также являются частью работы по подготовке Стратегии развития республики до 2035 года.

На наш взгляд, это утверждение Давдиева достаточно сомнительно. Нельзя телегу ставить впереди лошади, неправильно это. Чтобы двигаться вперёд, необходимо выбрать ориентиры и выработать некий предварительный план по приоритетным направлениям развития. Пусть это будет сырой план, требующий доработки и корректировок, — на начальном этапе это не особенно важно, главное, повторимся, определиться с приоритетами. И уже, исходя из них, проводить сессии, позволяющие понять, как максимально использовать возможности той или иной отрасли для того чтобы этот самый план реализовать с максимальной эффективностью.

К примеру, если в качестве основы процветания Дагестана будет выбран туризм (сразу оговоримся, что пример случайный, взятый нами лишь для того, чтобы показать, как должны разрабатываться планы развития той или иной отрасли. — *Ред.*), то в ходе стратегической сессии дорожников должны обсуждаться планы строительства и реконструкции дорог, ведущих к самым посещаемым объектам: Сулакскому каньону,

Затянувшееся ожидание

В этой связи вполне логично выглядит пауза с назначением нового кабинета министров. Честно говоря, мы до последнего тормозили выход этого номера журнала «Дагестан», надеясь на то, что Артём Здунов озвучит, наконец, состав нового правительства. При отсутствии реальной информации о планах руководства республики на ближайшую перспективу мы надеялись, что хотя бы информация о персоналиях нового кабинета позволит понять задачи, стоящие перед ним. К сожалению, назначения министров мы пока не дождались.

На самом деле образовавшаяся пауза с назначением говорит о многом. Уже к середине лета было понятно, что командировка Васильева в Дагестан затянется, и именно он в ближайшие годы будет руководить республикой. Ни у кого (кроме двух-трёх доморощенных экспертов) не вызывал сомнения тот факт, что премьер-министром Дагестана будет назначен Артём Здунов. Получается, у Васильева со Здуновым было больше трёх месяцев на то, чтобы определиться с кандидатурами будущих членов правительства. Но им почему-то этого времени не хватило.

На наш взгляд, причина всё в том же отсутствии планов развития региона. Если бы они были, можно было бы подбирать исполнителей под определённые задачи с учётом их производственного опыта и личных талантов. При отсутствии планов на первое место выходят исключительно политические мотивы. Когда учитываются не деловые качества, а такие параметры, как национальность, влияние, личная преданность, наличие компромата, позволяющего держать нового министра на коротком поводке. На самом деле параметров подобного рода достаточно много, поэтому тасование колоды так сильно затянулось. Республика получила очередной сигнал о том, что кардинальных перемен ожидать не стоит, а экономическая составляющая не станет приоритетом работы нового правительства.

Хучнинским водопадам, Гамсутлю, Кубачам и т. д. На стратегической сессии аграриев стоит говорить о создании этнодеревень, в которых туристы могут ознакомиться с традиционным бытом горцев, попробовать и купить традиционные продукты. Минкульт совместно с минтуризма должны будут взять на себя организацию торговли изделиями народных промыслов. Энергетики озаботиться обеспечением бесперебойной подачи электроэнергии в места массового посещения туристов, работники ЖКХ — решить проблему загрязнения Каспия канализационными стоками. В общем, каждая отрасль должна работать на выполнение генеральной задачи, поставленной правительством.

Точно так же обстоит дело и с проведением конкурса управленцев «Мой Дагестан». Нельзя тратить время, деньги и силы на конкурсы ни о чём и в никуда. Управленцев надо выбирать под конкретные задачи и проекты. Если мы говорим о туризме, это должны быть профессионалы, способные придать импульс развитию именно этой отрасли. Если мы говорим о подъёме агропрома, то надо организовывать конкурс среди специалистов-аграриев. Если в республике вспомнят, наконец, о промышленности, выбирать придётся среди менеджеров, знающих тенденции современного промышленного производства в стране и способных генерировать предложения, позволяющие сделать промышленный сектор республики более конкурентоспособным. В общем, танцевать надо от печки, а начинать с планов, которых пока никто нам, увы, не представил.

Печальные итоги

Журнал «Дагестан» не раз и не два говорил о том, что для того, чтобы слезть с дотационной иглы, республике надо развивать реальный сектор экономики, и в первую очередь промышленность. Занимая всего 6 процентов в структуре ВРП, наши заводы обеспечивают треть всех налоговых сборов республики. И совершенно очевидно, что для увеличения сборов, при невозможности строить новые заводы, нам надо по максимуму использовать потенциал наших промышленных предприятий. Увы, сегодня этим направлением в республике предметно никто не занимается. Здунов о заводах практически не упоминает, как будто их нет вообще. Вполне ожидаемо поэтому, что по итогам нынешнего года наша промышленность до прошлогодних показателей не дотянет. По итогам первого полугодия индекс промышленного производства впервые за долгие годы составил всего 96,1% по сравнению с 2017 годом.

«Просел» в этом году и дагестанский агропром. Темпы роста здесь составили всего 101,3%. Это самый низкий показатель за последние десять лет. Ушла в минус строитель-

ная отрасль, снизился оборот розничной торговли. Очевидно, что к концу года нас ждут весьма неприятные сюрпризы в виде снижения собственных доходов республики, что неминуемо потребует дополнительных вливаний из федерального бюджета.

В итоге вся работа, проводимая Васильевым по увеличению налоговых сборов, скорее всего, обернется серьёзным провалом. Только потому, что работой реального сектора правительство Здунова практически не занималось, и планов развития экономики выработать не смогло.

Тамерлан Магомедов

СЛОВА ПРАВИЛЬНЫЕ. СИМПТОМЫ ПУГАЮТ

Словесные перепалки между бойцами UFC в соцсетях стали уже настолько привычны, что получили уничижительное определение «трештокинг». Однако, как оказалось, «мусорные тёрки» — удел не только спортсменов.

Около двух недель вся Россия наблюдала в Инстаграме за словесным обменом с участием чемпиона UFC в лёгком весе Хабиба Нурмагомедова и рэп-исполнителя Тимати. Темой баттла стала отмена концертов рэперов Егора Крида и Дони в Махачкале. Поставить точку в нарастающем скандале безуспешно пыталось дагестанское МВД, гарантировавшее исполнителям безопасность и даже объявившее в розыск уроженца Табасаранского района, рассылавшего сообщения с угрозами на телефоны организаторов.

Подчеркну, что «клавиатурная баталия» так и осталась бы в спортивно-музыкальном поле, если бы в неё не вмешался глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, записавший для Инстаграм аккаунта Тимати «пару серий» ударов кулаками. Которые сопровождал обращением к «любимым дагестанцам» о том, что нам на Кавказе не нужны ни террористы, ни гастролёры. Шутливые вроде бы слова Рамзана Ахмадовича приобрели сакральный смысл после того, как интернет облетело новое видео, где депутат от Чеченской Республики Адам Делимханов на заседании комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции акцентирует внимание на важности «проведения концертов в соседних с Чечнёй регионах».

Вспоминая, как на деньги Сулеймана Керимова дагестанскую молодёжь приучали к

мысли, что их кумиры — знаменитые на весь мир футболисты, а не лидеры бандподполья, слова Делимханова нельзя назвать необоснованными. Вовлечение кавказской молодёжи в общероссийское культурное поле необходимо, а необъяснимые вспышки агрессии должны быть приняты к сведению и проанализированы. С учётом того, что концерт Егора Крида уже проходил в Махачкале в 2016 году, массовая истерия вокруг его повторения заставляет задуматься. Но почему воспитанием дагестанской молодёжи вдруг занялись руководители соседнего региона?

Ответ может показаться простым и незамысловатым. Звёзды футбола из Дагестана давно разъехались, а местных лидеров общественного мнения, коими до недавнего времени являлись крупные чиновники, продолжают сажать на нары. Никчемная на первый взгляд словесная перепалка отчётливо обозначила: у дагестанского общества сегодня нет общепризнанных ориентиров. На этом фоне возрастает роль местных спортсменов, чьи религиозные убеждения привлекают внимание людей, позиционирующих себя главными борцами с экстремизмом на Северном Кавказе. Но только ли противодействие экстремизму заставляет руководство соседней республики обращать свои взоры на Дагестан?

Интерес руководства Чеченской Республики уже долгие годы вызывает перспектива

восстановления Ауховского района и имущественных прав, проживающих в Дагестане аккинцев. Выделив дагестанских чеченцев в отдельный муниципалитет, руководство нашей страны неизбежно столкнётся с опять-таки законным требованием о воссоединении разделённого народа.

Территориальные претензии со стороны Чечни недавно вновь всколыхнули страсти в Ингушетии, где местные активисты обнаружили строителей, самовольно прокладывающих со стороны Чечни дороги на территории Сунженского района Ингушетии. Первым объектом этой экспансии стало село Аршты, в сторону которого в середине августа и стали прокладывать дорогу со стороны Чеченской республики. Тяжёлая техника работала под охраной чеченских силовиков, что вызвало волну не-

годования среди ингушских пользователей соцсетей.

По утверждению общественников, работы продвинулись в глубь Ингушетии на несколько километров. Акцентировать внимание на проблеме начал известный адвокат Калой Ахильгов. Активную позицию в соцсетях занял и мэр Магаса Беслан Цечоев, которого можно понять. В начале сентября аналогичные строительные работы со стороны Чечни обнаружились уже в районе заброшенного ингушского села Цеча Ахк, являющегося родовым аулом тейпа Цечоевых. «Чеченские рабочие заасфальтировали чуть более 4 километров гравийной дороги на границе с Ингушетией», — в свою очередь сообщили в Минавтодоре Чечни. Это напомнило ингушским блогерам о противостоянии в январе 2013 года, когда Рамзан

Кадыров подписал закон о переводе ряда населённых пунктов Сунженского района Ингушетии под юрисдикцию Чечни. Напомним, что в апреле того же года произошло вооружённое столкновение между ингушскими и чеченскими силовиками.

Официальной реакцией Грозного стало создание «Комиссии по вопросам определения и уточнения административной границы Чечни», которая заменила собой созданную в 2013 году «Комиссию по рассмотрению вопросов границы с Ингушетией». Новая комиссия должна организовать сбор, подготовку, анализ и оценку документов и материалов, необходимых для поэтапной работы по определению и уточнению местоположения административной границы Чечни и разрешения возникших спорных вопросов.

«То есть, где-то возникли проблемы на границе с Дагестаном, и комиссия теперь будет заниматься вопросами границы на любом участке региона. Ждём подробностей», — многозначительно говорилось по этому поводу в сообщении Telegram-канала «Chechnya». Таким образом, можно предположить, что новая комиссия уполномочена заниматься вопросами пересмотра

исторической границы Чечни не только с Ингушетией, но и с Дагестаном.

Характерно, что возглавил новую комиссию спикер республиканского парламента Магомед Даудов.

Предшественник Даудова на этой должности Дукуваха Абдурахманов ещё в феврале 2006 года публично озвучил территориальные претензии Чечни к Дагестану. Очевидно, что подкрепить заявление Абдурахманова должны были прошедшие в те дни в Хасавюрте акции протеста местных аккинцев. Знаковым стало интервью Агентству национальных новостей от 22 августа 2006 г., в котором Абдурахманов повторил территориальные претензии в отношении ряда муниципалитетов в северной зоне Дагестана. После этого заявления руководивший Дагестаном Муху Алиев неофициально объявил Абдурахманова персоной «нон грата» на территории Дагестана. Ввиду этого вероятность пересмотра границ Дагестана нельзя назвать фантастической.

Наряду с аккинцами о симпатиях к проекту пересмотра границ Дагестана неожиданно может заявить достаточно широкий пласт населения в северной зоне нашей республики, где с 2006 года руководство соседнего

региона развернуло масштабную политическую деятельность. Одним из симптомов можно назвать факт проведения в феврале 2013 года в Пятигорске так называемого чрезвычайного съезда кумыкского народа, делегаты которого заявили об ущемлении их этноса в Дагестане. Кумыки из Дагестана, Чечни и Северной Осетии обозначили острые, по их мнению, проблемы, подготовив обращение к президенту России с просьбой направить в Дагестан комиссию для изучения социально-экономических условий жизни кумыков. Главной причиной недовольства кумыков традиционно является земельный вопрос. По их мнению, традиционно кумыкские земли-равнины незаконно заселяются переселенцами из горных районов при попустительстве руководства республики. По словам выступавших на съезде жителей расположенного в Чечне кумыкского села Брагунны, в соседней республике подобной дискриминации нет.

Комплексная политическая работа предположительно могла быть проведена и в большинстве муниципалитетов северной зоны Дагестана, оказавшихся в орбите влияния бывшего главы Кизлярского района Сагида Муртазалиева. Муртазалиев считался близким другом Рамзана Кадырова, в сферу влияния которого таким образом могли попасть близкие к Муртазалиеву главы Хасавюртовского, Бабаюртовского, Кизлярского, Тарумовского и даже Ногайского районов Дагестана. Неформально контролируя глав этих муниципалитетов, руководство соседней республики может обладать возможностями влиять на массовое сознание проживающего здесь населения, например, экономическими методами. К примеру, в расположенном на территории Хасавюртовского района селении Аксай за счёт средств руководства Чеченской республики были отремонтированы дома проживающих здесь аккинцев. Представляющие собой резкий контраст ветхие дома местных кумыков и красующиеся новыми крышами и заборами дома аккинцев являются наглядным примером того, какой могла быть жизнь всего населения села в случае его вхождения в состав Чечни.

Об эффективности подобной экономической экспансии можно судить по расширению инвестиционных планов чеченских бизнесменов в Дагестане, которые озвучивает первый заместитель министра по делам Северного Кавказа Одес Байсултанов. Наряду с расширяющейся практикой скупки чеченскими предпринимателями земельных участков в прибрежной зоне Дагестана, объектом интереса со стороны чеченского бизнеса может стать Махачкалинский морской торговый порт, который в 2016 году стал объектом спора между владельцем Группы «Сумма» Зиявудином Магомедовым и миллиардером Сулейманом Керимовым. Экономический спор, едва не закончившийся массовой потасовкой с применением огнестрельного оружия, неожиданно разрешился рассмотрением заявления директора порта Ахмеда Гаджиева в суде города Гудермеса. Неоднозначная юридическая поддержка Гаджиева в соседней республике была расценена аналитиками как сигнал: Махачкалинский порт может перейти в руки чеченских предпринимателей.

Очередными чеченскими инвестициями с далёкой политической перспективой могут стать планы строительства гигантских торгово-развлекательных комплексов в Хасавюрте и Махачкале. Известный на весь Северный Кавказ количеством оптово-розничных рынков Хасавюрт долгие годы считался оплотом лидера аварской национально-культурной автономии Сайгидпаши Умаханова. Именно рынки ошибочно считаются источником экономического и политического влияния Умаханова, который пользуется большим авторитетом не только в Хасавюрте, но и в большинстве дагестанских муниципалитетов горной и южной зоны. В настоящее время в Хасавюрте уже начата масштабная скупка земельных участков в зоне будущего строительства нового торгово-развлекательного центра (ТРЦ), которое ведётся в интересах чеченских предпринимателей. Будущий ТРЦ предполагается в качестве легальной замены полустихийным оптово-розничным рынкам в Хасавюрте, работа которых недавно была признана неудовлетворительной руководством Дагестана. И вроде всё верно, а ведь тоже симптом...

ПОРТРЕТ ЭПОХИ В МУЗЕЙНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

В этом году Дагестанский музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой отмечает 60 лет со дня своего основания. Последние 18 лет им руководит Салихат Гамзатова, сменившая на посту директора свою мать Патимат. О том, каково это — продолжать дело, которому родной человек отдал полжизни, о самых значительных выставках последних лет, о культурных взаимосвязях и параллелях, а также о связях и знакомствах в музейном мире, и о том, почему так важно успеть «написать» портрет эпохи, Салихат Расуловна рассказала нашему журналу.

— Решение вступить в должность директора было для меня сложным. Я долго колебалась. Я не представляла себя в этом качестве, и, конечно же, с мамой разговоров на эту тему не было. Подумав, согласилась, а если я за что-то берусь, то стараюсь делать это хорошо.

— Между вашим стилем руководства и тем, каким руководителем была Патимат Саидовна, есть разница?

— В чём-то мы похожи, в чём-то — нет. Колоссальная разница есть в самих принципах организации музейной работы в советское время и сейчас, в том, как музеи взаимодействуют с посетителями, как продвигают себя, свои коллекции. Кстати, с 2000 года, когда я принимала музей, наше штатное расписание увеличилось всего на две единицы, а сфера деятельности за это время значительно расширилась: нужно вести сайт и страницы в

соцсетях, вести работу с детьми, участвовать в крупных всероссийских проектах, выпускать сувенирную продукцию. Тогда в музее стояло всего два компьютера — они ещё не были основным средством работы, как сейчас, но я сразу стала приобретать технику, понимая, что совсем скоро без неё будет не обойтись. Музейные фонды в 1970–1980-е годы активно пополнялись.

Я понимаю, что такие неограниченные возможности, как в советские годы, в современных условиях стали лишь воспоминанием. Но надо стараться как-то выходить из положения, чтобы дагестанское изобразительное и декоративно-прикладное искусство нашего времени было достойно представлено в музее.

— **Что приобретается в первую очередь?**

— Если говорить о декоративно-прикладном искусстве народов Дагестана, то оно представлено у нас довольно полно, поэтому мы покупаем только действительно уникальные вещи. Если такие появляются, стараемся договориться с продавцом, чтобы подождать с оплатой, иногда просим рассрочку — а что делать! В 2014 году Министерство культуры России профинансировало приобретение комплекта чохто и сапожек, выполненных в конце XIX века мастерицей золотошвейных дел Атабавы Акниевой из Кази-Кумуха. Что касается изобразительного искусства, особенно относящегося к периоду 1990–2000 годов, то здесь в коллекции большие пробелы.

Взять того же Магомеда Шабанова — народный художник России, выпускник Академии художеств, он ушёл из жизни совсем

недавно, в 2011 году. Его произведения советского периода, начиная с конца 1960-х и по 1992 год, активно приобретались музеем, они считаются классикой дагестанской живописи. А вот после этого времени — всего два полотна, хотя художник много писал до последних дней.

— То есть период почти в два десятилетия в музей не попал? И у вас нет авторов, которым «повезло» выйти на художественную сцену в это время?

— Да, так вышло, но мы стараемся восполнять эти пробелы. В последние годы приобретались работы как авторов старшего поколения — Магомеда Шабанова, Омара Гусейнова, Хасбулата Юсупова, — так и относительно молодых, но уже признанных художников: Магомеда Дибирова, Закарьи Закарьяева, Натальи Савельевой, Тимура Мусаева-Кагана, Азиза Сулейманова и др. Большую коллекцию работ современных дагестанских художников подарила музею в 2004 году «Первая галерея». Хочу отметить, что, став обладателем того или иного произведения, мы не прячем его в хранилище, а наоборот, стараемся выставлять.

Так, пять лет назад к 90-летию Расула Гамзатова музеем был реализован большой проект «Что в имени тебе моём...», в котором участвовали многие дагестанские художники, авторы из Беларуси и Южной Осетии. Было предложено создать произведения искусства, отражающие ассоциации с именем Расула Гамзатова. Были представлены живопись, графика, скульптура, арт-объекты, ювелирное искусство. Одним из самых интересных произведений той выставки стала работа Закарьи Закарьяева «Жест». Из дерева и металлических пластин художник создал поднятую ладонь с прорезанными на ней линиями. Это и образ самого поэта, для которого действительно был характерен такой жест, и образ Дагестана, дагестанских гор. О любви к родным горам папа писал всю жизнь, Закарья воплотил их неразрывную связь в виде такого оригинального символического образа. Сегодня «Жест» можно увидеть на выставке, посвящённой уже 95-летию юбилею поэта.

Там же впервые представлены иллюстрации Юрия Николаева к книге Гамзатова «Клятва землём». Ю.Ф. Николаев в 2016 году, незадолго до смерти, преподнёс музею

щедрый дар — почти 600 своих графических работ и мольберт конца XIX – начала XX века, по легенде принадлежавший знаменитому русскому художнику Евгению Лансере, который бывал в Дагестане и многое сделал для культуры нашей республики.

В 2012 году в Московском государственном объединённом художественном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике (Коломенское) прошла большая выставка «Дагестан глазами Евгения Лансере». Куратор выставки, кандидат искусствоведения Ольга Стругова выстроила экспозицию таким образом, что помимо произведений Лансере в неё вошли предметы начала XX века, то есть была воссоздана атмосфера эпохи, в которую жил и творил художник. Там же демонстрировался художественный фильм «Сказание о Хочбаре», как энциклопедия дагестанской жизни, работала и мультимедийная программа: на карте Дагестана были отмечены населённые пункты, где бывал художник во время своих экспедиций. Выбрав любой из них, зрители могли узнать о традиционных костюмах, украшениях, ремеслах этих аулов.

— Ну, о такой технике нам только мечтать!

— Безусловно, хотя маленькие подвижки в этом направлении есть — недавно музей приобрёл сенсорный киоск. Будем его использовать и на выездных выставках, и на стаци-

онаре. Планируем с его помощью визуально по-новому представить произведения камнерезного искусства, задействовав богатый фотоматериал К. Чутуева, собранный им в течение многих лет в различных аулах Дагестана. Также идёт работа над созданием виртуальной выставки кайтагской вышивки, прекрасные образцы которой хранятся, в частности, в Государственном музее искусства народов Востока. Уже есть договорённость с его руководством, что нам предоставят необходимый фотоматериал.

— Давайте вернёмся к теме даров и дарителей. Некоторые графические листы Юрия Николаева выставлялись в разных проектах, включая тот же «Аул Балхар», о котором журнал «Дагестан» писал совсем недавно. Это действительно очень щедрый дар со стороны художника, понастоящему любившего и знавшего Дагестан. Какие ещё дары музей получил в последние годы?

— Мы очень благодарны всем нашим дарителям. Чаще это, конечно, сами художники. Так, Белла Мурадова — первая дагестанка, ставшая профессиональным скульптором, — в 2016 году подарила музею четыре своих произведения; Альберт Хаджаев (в январе мы провели выставку, посвящённую его 80-летию) передал графическую работу «Портрет Барият»; ювелир Магомедрасул Гимбатов — подвеску, выполненную в смешанной технике, и картину Кебеда Гасанбекова из личной коллекции. В 2014-м мы «открыли» для себя замечательного советского художника Александра Крицкого, который в 1970–1980 годы бывал в Дагестане, и купили три его линогравюры, ещё две работы музей получил в дар от семьи Крицких. Очень щедрый дар сделала музею вдова художника Александра Лещинского Ирина Юдина. Она подарила 46 его живописных и 296 графических работ. Скульптор Фрунзе Махмудов подарил коллекцию своей малой пластики. И все эти произведения активно выставляются.

— Как обстоят дела с хранением той же графики? Ведь она очень капризна, работы боятся солнечного света, сразу реагируют на изменение влажности и температуры. Музей обладает редчайшими

произведениями графического искусства, включая два листа самого Дюрера! Как себя чувствует Дюрер?

— Дюрер чувствует себя хорошо! Ещё в 2011 году, благодаря финансовой помощи Дагестанского филиала ПАО «РусГидро», мы отремонтировали хранилища, закупили специальные стеллажи, так что графические произведения, которые действительно требуют очень осторожного обращения, хранятся как положено. К сожалению, у нас нет специалиста по реставрации графики, и, главное, нет очень дорогостоящей базы для её осуществления. Научные сотрудники нам сейчас очень нужны — будем отбирать на конкурсной основе.

— Дефицит кадров?

— Да, нам очень нужны специалисты, или просто люди, которые хотят посвятить себя этому делу. Если найдутся такие люди, найду и вакансии.

— В последние годы экспонаты из фондов ДМИИ довольно активно выезжают за пределы республики для участия в крупных выставочных проектах. То есть вы не жадничаете, одалживая экспонаты другим музеям?

— Конечно, нет! Наоборот, приветствую, когда наши вещи помогают коллегам полнее и глубже раскрыть тему. У нас ведь такое богатство, черпай — не исчерпаешь; чем больше делишься, тем интереснее, тем больше открытий тебя ждёт. Ирина Антонова, более полувека возглавлявшая Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина, как-то сказала, что музей — это не склад и не научно-исследовательский институт, а два направления вместе. В этом я с ней согласна. Экспонаты не должны лежать мёртвым грузом в хранилищах, их надо показывать! Я очень радуюсь, когда удаётся наши вещи куда-то «сосватать». Причём порой это бывает очень неожиданно. Например, у нас есть огромный ковёр «Дружба народов», сотканный на Дербентской ковровой фабрике, который долгое время лежал в запасниках. Но, когда открывался Музей дружбы народов России, и нужно было помочь с экспозицией, оказалось, что он как будто специально сделан для этого проекта, даже в проём стены вписался идеально! Так и висит у них — и это здорово!

Когда в Музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» совместно с нами реализовывался проект «Последняя повесть Л.Н. Толстого “Хаджи-Мурат”. Автор и герои», в процессе подготовки выставки ДМИИ предоставил много дополнительного материала из своей коллекции. В частности, рисунки Е.Е. Лансере, выполненные художником в станице Старогладковской, где происходит действие повести «Казаки», и которые в

дальнейшем стали иллюстрациями к повести; зарисовки дома, в котором жил Л. Толстой во время работы над повестью.

Часть этого материала экспонировалась уже на нашей выставке «Толстой. Дагестан. Хаджи-Мурат» в галерее «Ясная Поляна» в Туле. В этот проект мы стремились включить материал, который раскрывает связь Толстого с Дагестаном, и показать Дагестан той эпохи, в которой жили Толстой и Хаджи-Мурат, и то, что значит образ Хаджи-Мурата для сегодняшних дагестанцев. В выставку мы включили и гравюры Григория Гагарина, который тоже бывал в Дагестане, много рисовал с натуры; картины Ильи Занковского.

Прекрасно вписались в тему картины Саида Тихилова и Магомеда Дибирова, по велению души писавших образ Хаджи-Мурата. Интересно, что даже скульптура Гейбата Гейбатова «Горец», которую мы включили в экспозицию, была навеяна автору образом Хаджи-Мурата. Предметы декоративно-прикладного искусства, оружие времён Кавказской войны из наших фондов и фондов Национального музея РД им. А. Тахо-Годи стали важным дополнением к основной части экспозиции, её обрамлением.

Надо сказать, что ювелирные изделия, керамика, ковры, резное дерево и камень, созданные руками дагестанских мастеров, всегда восхищают зрителей. Эти вещи вызывают уважение к тем, кто их создал. Дагестанский народ обладает тонким вкусом, наше самобытное искусство поражает разнообразием форм и виртуозностью исполнения. Если мне это богатство доверено, моя задача сделать так, чтобы о нём узнало как можно больше людей.

Недавно в Туле с большим успехом прошла выставка наших ковров, которую нам

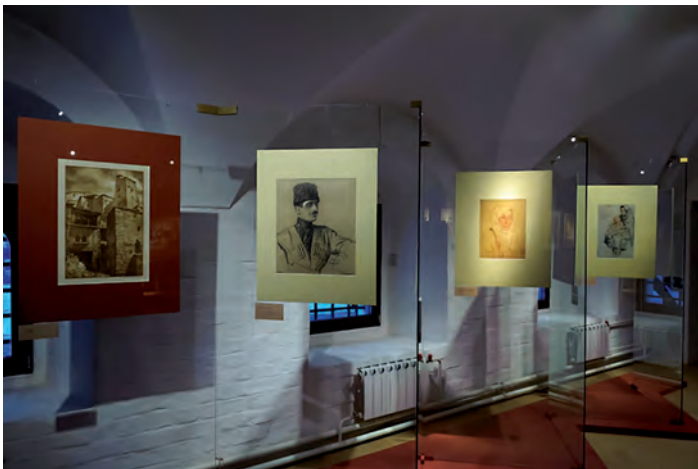
предстоит показать в этом году в Ингушетии и Чечне. В 2017 году издан альбом «Ковры Дагестана», над которым заместитель директора по научной работе и ответственный хранитель отдела ковров и тканей ДМИИ Айшат Магомедова работала несколько лет. На сегодняшний день это наиболее значительное научно-популярное издание на данную тему в республике.

В плане издательской деятельности, научной пропаганды дагестанского искусства, перед нами просто целина. Я подсчитала, что с начала 2000-х годов в Дагестане издано 13 альбомов и буклетов, посвящённых творчеству художников. Это очень мало.

— **Какое издание вы считаете самым значительным?**

— Трудно выделить. Все по-своему дороги. Для меня особенно, как одного из авторов статьи и руководителя проекта, очень дорог альбом «Художник Николай Лаков», вышедший в свет в 2017 году при поддержке Министерства культуры Дагестана. Он написан совместно с кандидатом искусствоведения, лауреатом Госпремии России Ольгой Борисовной Струговой. В альбоме не только собрана огромная часть богатейшего творческого наследия этого замечательного художника, хранящегося в частных коллекциях и крупнейших музеях страны, включая ГМИИ им. Пушкина и Третьяковскую галерею, но и исследованы разные периоды его творчества, в том числе ранний, когда он увлекался авангардом и занимался агитационным искусством, о чём мы раньше и не знали. Николай Лаков — уникальная фигура в дагестанском и русском изобразительном искусстве, благодаря этому проекту он заново открылся не только нам, но и нашим коллегам из Москвы. Огромный исторический и культурный пласт

жизни республики дошёл до нас потому, что Николай Андреевич запечатлел его в своих рисунках. Это сцены строительства Гергемильской и Сулакской ГЭС, рыбные промыслы довоенной поры, курсы ликбеза в горах, портреты выдающихся деятелей нашей культуры (Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Барият Мурадовой) и горцев начала 1930-х. Среди последних особенно ценна серия портретов членов Чох-коммуны. Судьбы многих из них сложились трагически: они были объявлены врагами народа и осуждены, некоторые расстреляны.

Стоит сказать, что работа в музее порой преподносит удивительные открытия. Так, в 2012 году я подготовила проект «Рувим Мазель в Дагестане», и, так как многие рисунки были выполнены в разных аулах, попросила коллег поискать людей, которые на них изображены. В рисунке Рувима Мазеля 1938 года «Гунибский мальчик» родственники узнали Селимхана Серкилова. Он добровольцем ушёл на фронт и пропал без вести в 43-м. У родных не сохранилось даже его фотографии. Без вести пропал и отец Селимхана, который ушёл воевать вслед за сыном, отказавшись от брони, положенной ему как начальнику военкомата. Конечно, мы сделали копию этого рисунка, и теперь она хранится в семье. А позже, после телепередачи об этой выставке, в музей приходил внук «Учительницы из Гурбуки» — героини другого рисунка Мазеля!

— Какой проект, из реализованных за последние годы, вам особенно дорог?

— С 2010 года мы активно влились в московские выставочные проекты. Сначала это были совместные выставки, а с 2014 года мы стали делать собственные, в которые наши коллеги иногда вводят свои экспонаты, посвящённые Дагестану. В 2014-м, который был официально объявлен Годом культуры, благодаря помощи Минкультуры республики состоялись две больших выставки в Москве. В Музее декоративно-прикладного и народного искусства мы представили дагестанскую вышивку, а в Музее истории народов России — выставку «Дагестан глазами русских художников. Россия глазами дагестанских художников». Она заняла четыре зала, это было потрясающе красиво!

Издали и большой красочный каталог. Одним из самых значительных я считаю проект «Кавказский словарь: земля и люди», реализованный в 2012 году. Впервые в постсоветский период Кавказ был показан в огромном богатстве его этнического многообразия, культуры и истории. На площади свыше 1000 квадратных метров в одиннадцати залах Большого дворца в Царицыне разместились 1430 редких экспонатов: археологические артефакты, ритуальные маски, кино- и фотохроника, видеоинсталляции современных художников, полотна классиков русской и советской живописи, произведения декоративно-прикладного искусства. И четыреста из них были из фондов дагестанских музеев: триста — из ДМИИ им. П.С. Гамзатовой, сто — из Национального музея РД им. А. Тахо-Годи! Куратором этой грандиозной выставки была Ольга Соснина — кандидат искусствоведения, научный куратор перспективных выставочных проектов музея-заповедника «Царицыно». Она — однокурсница моей сестры Патимат, так что нас связывают давние дружеские отношения.

Вообще, получилось так, что студенты исторического факультета МГУ того времени, когда Патимат училась, сейчас стали видными учёными и руководителями музеев. Например, Елена Юрьевна Гагарина — Генеральный директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Или Айнура Ишембаевна Юсупова — ведущий научный сотрудник ГМИИ им. А.С. Пушкина, куратор выставки «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо», которая сейчас проходит в Пушкинском. Сегодня эти знакомства часто помогают мне в работе. *(Улыбается)*.

Ольга Соснина провела целую серию успешных проектов в Царицыно, посвящённых взаимоотношениям России и стран Востока. «Кавказский словарь...» я уже упоминала, а в 2017 году состоялась выставка «Пламень и негя Востока», посвящённая «турецкому стилю» (тюркери) в искусстве. Полотно французского живописца и графика Ораса Верне «Турок с кальяном» из собрания западно-европейской живописи ДМИИ заняло достойное место в экспозиции. Вообще, каждый проект, как ребёнок, дорог по-своему.

— Я думала, что вам больше всего запомнится выставка «Дербент, Дагестан, Россия», которая проходила в Государственном историческом музее в год 2000-летия Дербента, и по которой вы Путину экскурсию проводили! Волновались тогда? Он вообще слушал?

— Да, в этот проект всеми музеями нашей республики было вложено много труда. Выставка была очень красивая, насыщенная. Наверно, я волновалась, в определённой степени. Просто обычно люди волнуются, когда делают что-то не так, я же постаралась достойно подготовиться — ведь я говорила о том, что хорошо знаю и люблю. Во время экскурсии сложилось ощущение, что президент внимательно слушает. В какой-то момент я, видимо, слишком увлеклась и стала рассказывать чересчур эмоционально, на что он сказал: «Да, красиво». *(Смеётся)*.

— У вас есть любимые произведения из музейной коллекции?

— Нет, отдельных любимых нет. Три года назад мы обновили витрины в зале серебра и дерева, это было непросто, но результат того стоил. А ещё мы, по совету художника Тагира Гапурова, заказали специальные железные скобы, в которых теперь размещены предметы из коллекции камня — очень эффектно смотрится. С годами всё больше ценю замечательный зал ювелирного искусства и зал русской живописи. И конечно, мне очень дороги все многочисленные выставочные проекты, в которые было вложено много сил и любви.

— В доме ваших родителей немало картин, предметов декоративного искусства. Эту экспозицию вы меняете? Как складывалась эта коллекция?

— Родители специально не собирали изобразительное искусство. Конечно, им, прежде всего — папе, дарили какие-то вещи, кое-что мама покупала, но специально они коллекцию не формировали. Зато мама приобретала много предметов традиционного декоративного искусства народов Дагестана, это она любила и собирала. Очень ценила свою коллекцию испикской керамики, гордилась ею. Кажется, она первая в Махачкале стала вешать эти блюда на стену. Они украшали и наш старый дом на Горького, и сейчас висят в нашем доме на Чернышевского.

— А собственное собрание картин у вас есть?

— Кое-что есть, конечно, но я, как и мама, живопись почти не покупала. Из того, что

особенно нравится, могу выделить «Портрет кубачинки» Хайруллы Курбанова. А вообще я очень люблю балхарскую керамику, целенаправленно приобретала её, поэтому её у меня много.

— В этом году в ДМИИ состоялись выставки «Аул Кубачи» и «Аул Балхар». Какой аул следующий?

— Аул Чох. В Москве, в Государственном историческом музее, я увидела потрясающее чохское платье и загорелась идеей непременно привезти его в Дагестан. Предварительная договоренность уже есть. Финансовую поддержку по доставке этого уникального экспоната оказал бизнесмен Абдурахманов Зиявудин Тинамагомедович — уроженец этого селения. Оно и станет центром экспозиции.

— Мне кажется, что такие выставки, посвящённые отдельным аулам с их традиционными ремёслами, костюмами в плане просвещения очень важны.

— Возможно. Когда дагестанцы моего поколения учились в школе, нам не преподавали историю родного края, не рассказывали о культуре дагестанских народов. Истинное понимание ценности родной культуры, родных языков приходит к нашему обществу только сейчас.

Беседовала Влада Бесараб

Фото предоставлены Дагестанским музеем изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой

Наида Хаспулатова

КАНЬОН, КРОЛИКИ И ОЛЕНИ

В Казбековском районе я была всего один раз в жизни, запомнились красивые зелёные горы, густо поросшие лесом, живописные холмы, добротные дома в сёлах, очень активные местные жители. Всегда в гуще дагестанских событий. Несколько выходцев из Казбековского района — успешных, ярких, богатых и неоднозначных, знает абсолютно каждый дагестанец. Политическая жизнь тоже шумная и насыщенная — каждые выборы, каждая смена власти, межнациональные конфликты, коммунальные проблемы Дубков — всегда проходили остро, конфликтно, и надолго оказывались главной темой обсуждения всех республиканских СМИ. У этого есть и минусы, и плюсы. Но факт — казбековцы социально активны и хотят сами участвовать в жизни района.

В последнее время самым популярным хэштегом в социальных сетях, связанным с этим районом, стал Сулакский каньон. Такое впечатление, что селфи с восторженными комментариями с этого живописного места есть уже абсолютно у всех. Я равнодушна к новым тенденциям и решила тоже отправиться туда и сфотографироваться. Заодно узнать всё и про природу, и про район.

Каньон

Пока ехали по федеральной трассе, всё было хорошо. Но потом, за Кизилюртом, старая, крутая дорога, без освещения, отбойников, указателей — всё время приходилось выходить и спрашивать, правильно ли мы едем.

...Нежно-голубая гладь воды за огромной плотной среди изумрудных гор — сочетание мощи природы и технологий. И отсюда же, с очередной петли горного серпантина, мы увидели, наконец, Дубки — с пятиэтажками, аллеями и парками. Посёлок построен в 70-е годы для строителей Чиркейской ГЭС. Говорят, был ухоженный и интеллигентный. Во многих квартирах, судя по свежим пластиковым окнам, делают ремонт, но опять — ни одного указателя на смотровую площадку.

И вот он, Сулакский каньон — один из глубочайших на Земле. Между крутых гор, высотой почти два километра, течёт Сулак, удивительно ярко бирюзового цвета — завораживающее зрелище. Именно эту воду пьёт вся Махачкала и ещё пол-Дагестана, снабжаемые тремя ветками Миатлинского водовода. И хотя каньон очень длинный — 53 км, смотровую площадку решили сделать около посёлка: тут самый красивый вид, сюда можно доехать по асфальту. Глубоко внизу, на берегу речки, виднеются новые дома с черепичными крышами — это начало возрождаться село Зубутли, разрушенное землетрясением 1970 года. Сейчас здесь снова жизнь: туристы приезжают тысячами, и именно зубутлинцы предлагают им прокатиться по речке, кормят в кафе и ресторанах.

Смотровая площадка — это просто небольшая металлическая веранда с перилами в самой высокой точке посёлка. Но именно она стала самым посещаемым местом в Дагестане, превзойдя даже Дербент.

...Неожиданный среди гор сервис — парень предлагает бурку и папаху, сфотографироваться на памятном фоне. У другого — кофемашинка. Я, конечно, тут же заказала эспрессо, и это был лучший кофе, который я пробовала в Дагестане за пределами Махачкалы и Дербента. Обычно всюду в районах, даже в дорогих ресторанах, предлага-

ют растворимый суррогат. Магомед начал бизнес недавно, но уверен, что хорошо заработает:

— Последние несколько лет по выходным 2–3 тысячи человек в день сюда приезжают. Дагестанцы начали ездить, гостей тоже хватает. В посёлке открылись ресторан, кафешки. Здесь элементарно попить было негде; хороший кофе в горах — это необычно, целая очередь выстраивается, когда экскурсия приезжает, больше всего любят капучино.

Айнутдин Абакаров руководит Дубками уже пять лет. Он один из строителей Чиркейской ГЭС — приехал сюда в 1976-м по комсомольской путёвке. Когда строители стали уезжать из Дубков, начался коммунальный коллапс: посёлок

остался без отопления, воды, половина зданий и школа даже без крыш. Старожилы, знавшие Айнутдина уже 40 лет, попросили его принять участие в выборах. Он же — один из инициаторов и реализаторов идеи сделать Дубки популярным туристическим местом.

— Когда построили ГЭС и получили электроэнергию, мы стали не нужны; сейчас все гидростроители ушли на Ирганайскую и Миатлинскую ГЭС. Сегодня у нас в посёлке 5397 человек, а раньше жили 17 тысяч. Я с самого начала знал, что главную ставку надо сделать на туризм. Пять лет по интернету, по всем каналам, мы рассказывали об уникальной рукотворной, первой в мире, арочной плотине и глубочайшем в Европе каньоне, искали самую красивую точку. И у нас получилось — мы на первом месте в республике по количеству посетителей: официально — 250 тысяч, реально — в три раза больше. Приезжают из Испании, Индии, Латвии, Грузии, дагестанцы много стали ездить. Пока пользы — только мусор. Местные жители только в этом году начали обращать внимание на туризм, но в следующем году, уверены, пойдёт прибыль.

Есть инвесторы, готовые начать крупные туристические проекты, просят продать землю под них, но сейчас только решается вопрос о собственности 137 га земли, принадлежащей Дубкам, — у нас пока даже генплана нет. Мы выделили на генплан 530 тысяч рублей, 2,5 млн должна была выделить республика, но не дала. Когда будет генплан, мы построим рестораны, кафе, магазины с местными сувенирами.

В следующем году определим площадку, проложим тропу здоровья, построим дагестанские башни и, конечно, поставим всюду указатели. Люди едут сюда сотнями, тысячами, а нам нечего им предложить. Я хочу, чтобы наш посёлок стал, как в Европе: чистенький, аккуратный — он ведь был таким в моей молодости. Если правильно выстроим туристическую инфраструктуру, и своих работой обеспечим, ещё и со стороны приглашать придётся.

Среди инвестпроектов интересна задумка одного бизнесмена: построить в Дубках современную смотровую площадку с прозрачным полом из бронебойного стекла. Представляете: вы стоите, и под своими ногами видите пропасть почти два километра! Обязательно приеду посмотреть!

Кролики — это не только...

Вообще-то глава КФХ Тимур Умаров начал со строительства птицефермы на 50 тысяч голов. Но потом решил поставить на дагестанский рынок экзотический для нас продукт — кроликов.

Пушистые создания появились в Казбековском районе чуть больше года назад. Для них выделили один из птичников, где сейчас 3500 кроликов весь день радостно размножаются. Необычный продукт уже начал завоёвывать популярность: крольчатина считается диетической и, что самое выгодное, — идеальна для борьбы с лишним весом.

Умаров хочет развивать своё хозяйство дальше, но пока не получается:

— В феврале 2014 года выделили 2 га — глава района Гаджимурад Мусаев мне очень помог. Построил птицекомплекс, провёл 2,5 км водопровода — эта ниша пустая была и конкуренции мало. Спрос нормальный, если мясо хорошее; клиенты есть, в районе продаю 20%, остальное — в Хасавюрте. Я получил грант 5 миллионов и субсидии два раза, они мне очень помогли.

Хотел построить рядом животноводческий комплекс, но землю не дают, так как она принадлежит Минимущества, хотя и заросла сорняками. Многие фермеры не могут развиваться — земель у нас нет, сенокосов нет. 30 миллионов вложил я в фермерское хозяйство, а сейчас жалею, потому что если не расширяться, выгоды нет. Заместитель

министра сельского хозяйства и продовольствия Шагмир Бахарчиев обещал «мы тебе землю дадим, только развивайся», но так ничем и не помог.

И действительно, когда едешь в Дылым, пейзаж приятный — зелёные холмы, луга, но почти не видно крестьянской работы: ни новых садов, ни виноградников, ни теплиц, которыми занят каждый клочок земли в некоторых дагестанских районах.

Олени

Среди заросших деревьями гор показалась стайка рыжих оленей, но, вспугнутые нами, они быстро убежали. Они подошли ближе лишь тогда, когда увидели родного зоотехника с сеном. Но большого интереса не проявили — пока и в лесу корма достаточно, это зимой к кормушкам приходят все, как по расписанию. Большие глаза, ветвистые рога, хрупкий силуэт — эти пятнистые олени родом с Дальнего Востока и Японии, но неожиданно хорошо прижились. Больше всего мне нравится в Казбековском районе, что здесь много того, чего нет нигде больше в Дагестане. Алмакский олений питомник, оказывается, сейчас вообще единственный на всей европейской территории бывшего СССР. Уссурийских оленей сюда завезли в 1974-м, причём часть питомника была и на территории соседнего Буртуная. Когда распался Союз, буртунайцы своих оленей съели, впрочем, как и в соседних республиках. Директор зверосовхоза «Алмакский» в те годы **Айтемир Сатираев** смог сохранить питомник. Сейчас 1400 оленей на вольном выпасе, бегают по лесам и горам, но их подкармливают, лечат, берегут. Всё тщательно продумано: 833 гектаров огорожено трёхметровым забором, внутри территория разбита по загонам. Сатираев давно не директор совхоза: был депутатом Народного Собрания РД, сейчас член Общественной палаты Дагестана. Руководит алмакским совхозом Зинат Лугуева, лачка. Неожиданно для Дагестана, когда руководящую должность занимает человек нети-

тульной для района национальности. Такой выбор Сатираев объясняет просто:

— В этом хозяйстве были руководители-аварцы, которые пьют всё время с друзьями, а потом в стадо спускаются и стреляют на шашлык оленя. А Зинат больше оленей любит, чем алмакцев.

Это племенной совхоз, 30 процентов оленей можно ежегодно реализовывать. И спрос есть, хотя стоит одна особь от 30 тысяч рублей и выше. Купленные в Алмаке, они уже бегают в лесах Сочи, Астрахани, Московской, Владимирской областей. 50 голов были куплены для вольного выпаса в Чечне — по личному указанию Рамзана Кадырова. Все прекрасно прижились на новых местах. В Дагестане пока к ним интереса нет — только пара частных хозяйств приобрела по три особи. Сатираев считает, что как раз таки оленей в нашей республике очень выгодно было бы разводить:

— В Дагестане много склонов, где ни пасти, ни сеять невозможно. Земли, которые никогда не использовались, составляют четвертую часть территории, особенно Юждаг; вот туда и нужно запустить оленей. И зубров можно. Ведь неспроста в эти места когда-то привезли именно уссурийского оленя, было много экспертиз, приживутся ли. Сарай им не нужны, скал они не боятся, размножайте их, стройте пантовый завод.

Сатираев разработал и активно продвигает проект создания туристско-рекреационного оздоровительного комплекса «Алмак». Этот проект занял первое место среди инвестиционных проектов СКФО в 2016-м. Им заинтересовались турецкие бизнесмены, и в июле этого года турки подписали с Министерством природы и экологии РД соглашение об инвестициях. Основой проекта является развитие пантового оленеводства. Молодые рога оленей вырастают каждый год, и их срезание совершенно безвредно для животных, зато лекарство из пантов очень полезно для людей. Сейчас алмакский зверосовхоз тоже продаёт панты — и в натуральном виде, и в настойке. Но их производство можно

во много раз увеличить, открыть в Алмаке санаторий, где будут лечить от множества болезней. Можно и нужно на территории питомника развивать туризм, желающих приехать много. Много возможностей и идей, только нужны инвестиции.

Древние и новые ремёсла

Багаудин Дадаев увлечённо вырезает узоры на ложке. Вся комната в Центре традиционной культуры Казбековского района заставлена и увешана нарядными деревянными тарелками, кувшинами, ложками. Тут же висят грамоты с выставок прикладного творчества во Франции, Германии, Грузии и, понятно, Дагестана. Но пожилого мастера это не радует. Главная причина его огорчения — перестали ходить в кружок дети, некому передать древнее ремесло:

— Дети ко мне не приходят, потому что у меня нет мастерской. Я их здесь учил только теории, а она должна идти параллельно с практикой.

Кем я только не работал: пахал, сеял, скот держал, механиком работал на аэродроме в Грузии, в Телави, где снимали «Мимино». И всю жизнь занимался резьбой по дереву; говорят, я столяр в седьмом поколении. У меня много антиквариата дома от дедушки и бабушки, но сюда привезти не могу, места нет. Когда в Махачкале, в библиотеке имени Расула Гамзатова, проходила моя персональная выставка, экспонаты не уместились на 400 квадратах.

В 2013 году у меня сгорел двухэтажный дом, сгорела и мастерская и всё, что я заработал за 50 лет; сгорели и уникальные антикварные изделия, которых больше ни у кого в Дагестане не было, например, системы весовых и метрических мер. Поэтому я сейчас без мастерской.

У меня и сын умеет резать по дереву, но сейчас этой профессией семью не прокормишь, поэтому я не стал настаивать, чтобы он занимался моим ремеслом. И люди меняются, абсолютно ленивые стали; приведите ко мне человека с высшим образованием и дайте что-нибудь сочинить, у него несколько ошибок будет, а у меня нет. Учиться не хотят, работать не хотят.

Во дворе администрации Казбековского района в глаза бросается необычная композиция из камней, мха и текущей воды — что-то похожее на японский сад камней. Оказывается, это дело рук местной воспитательницы детского сада

Курсият Умахановой. Дворы у дагестанцев всегда выглядели утилитарно, но ландшафтный дизайн горцам понравился, и Курсият стали просить соорудить подобную красоту и на их участках. В районе уже десятки необычных дворов, украшенных ею, но она почему-то отказывается брать за это деньги — работает только ради красоты. Но больше всего каменных сооружений построила около своего дома:

— Я просто увидела на картинках в интернете, мне очень понравилось, в магазине заметила пластиковый водоём и спросила, как такие вещи делаются. Продавщица мне объяснила и картинку показала, так и пошло. Я от каждого стиля по кусочку беру, а своей фантазии у меня много. Для друзей, для людей делаю. Мне нравится собирать камни, ставить их на «своё место», их мне друзья привозят. Идея идёт от формы камня, каждый камень имеет своё место, я по двору хожу, думаю, куда поставить. И односельчане меня поддерживают, 99 процентов людей тянутся к красоте.

Вынужденные спонсоры

В Ленинауле на днях открыли новый детсад на 60 мест. Выглядит типично — пёстрое одноэтажное здание, детская площадка. Особенность только в том, что построил его частный инвестор Эльмурад Джамалдинов — на условиях частно-государственного партнёрства. Государство социальные объекты в Казбековском районе давно не строит. Приятная женщина, руководящая наведением порядка в комнатах, оказалась матерью бизнесмена — Райзанат помогает сыну:

— На риск идём, сын машину продал за 3 миллиона и вложил сюда, хочется людям доброе сделать. Даже если не будет прибыли, пусть детям радость

будет. Это будет частный садик, когда получим лицензию, государство будет платить зарплату педагогам и за услуги ЖКХ и следить за соответствием образовательным стандартам. На данный момент мы собираемся брать 4 тысячи в месяц за ребёнка; если лицензию получим, цены, конечно, снизим, но уже есть запись на все места. Если с садиком получится, сын хочет школу тоже построить, если Аллах даст. Когда только начинали строить, глава района приехал, подсказал, что нужно сделать, чтобы получить лицензию. В нашем селе сейчас на продажу никто ничего не выращивает, все зарабатывают на хасавюртовских рынках. Есть СПК, но они еле-еле выживают.

Со здравоохранением дело обстоит хуже. На 47 тысяч казбековцев всего одна поликлиника в Дылыме, причем одновременно и детская, и взрослая. Это одноэтажное небольшое здание — бывший многоквартирный дом, в коридорах теснятся больные, бегают дети, кричат младенцы. Зав. поликлиникой **Шахри Юсупова** рас-

сказывает, что рассчитана она на 350 посещений в день, реально же здесь бывает до 500–600 человек:

— С 2012 года нам каждый год обещают ремонт, новое здание уже даже не обещают. В каждом кабинете сидит по 2–3 врача. Гинеколог и ЛОР в одном кабинете. Приходит женщина к гинекологу, а рядом мужчина к ЛОРу пришёл; как она при нём должна про свои болезни рассказывать? Сегодня зашла в кабинет, а там трое младенцев одновременно — крик, шум; и в этом же кабинете одновременно принимает «взрослый» терапевт.

Детский развлекательный центр «Джунгли зовут» в Дылыме — тоже первый, который я увидела в дагестанском селе. Внутри полный набор «развлечений»: батуты, бассейн с шариками, лабиринты, машинки, игровые автоматы. Только детей маловато.

Молоденькая посетительница приехала сюда с четырьмя детьми — своими и племянниками, специально из Хасавюртовского района. Её детям здесь очень нравится, и это видно — они тут же разбежались, кто за руль машины, кто попрыгать на батуте. И стоят эти развлечения намного дешевле, чем в таком же центре в Хасавюрте.

Правда, владелица центра — **Куди Исаева**, не разделяет этой радости, потому что недовольна результатом. Центр работает два года, а до сих пор не окупился, хотя вначале людей было много. Исаева уверена, что дело в том, что люди стали беднее жить, и уже не хватает денег на развлечения.

Туризм как перспектива

Гаджимурад Мусаев был избран главой Казбековского района четыре года назад. Здесь родился, здесь работал начальником РОВД. Так что прекрасно знал всё ещё до назначения:

— Основной задачей было объединить людей и привлечь инвестиции. И у нас многое получилось. В 2013-м налогов собирали 62 миллиона, сейчас 112, у ста торговых объектов поменяли вид деятельности, а то огромные магазины работали как ЛПХ, открыли 8 промышленных объектов. Например, семейный бизнес Шараевых: они изготавливают пластиковые окна, багеты, у них работает 70 человек; в селении Гуни — цех по пошиву домашнего текстиля, птицефабрика, 19 сельхозпредприятий.

Одно из наших главных направлений это туризм, в первую очередь — на Сулакский каньон и в Алмакский олений питомник. Сейчас земли вокруг Дубков мы переводим из категории сельскохозяйственного назначения в рекреационную, запустим туда инвесторов. Если туристы будут ездить, если создать им все условия, они же будут тратить здесь! Если наладим туристический маршрут Сулакский каньон–Дылым–Алмак, это ж рабочие места будут.

У нас в районе много красивых мест. Руководитель «Главрыбы» предлагает джиппинги через леса с ночёвками, сейчас работаем над этим. Старое Зубутли после землетрясения полностью разрушилось, жители переселились в Зубутли–Миатли, но сейчас стали восстанавливать административную единицу Старое Зубутли; они составят свой генплан, и мы на этих землях развернём полноценную туристическую инфраструктуру.

Район всегда был аграрным, но очень густонаселённым, у нас земельный дефицит, в Дылыме уже 20 лет не можем выделять планы под строительство. Даже если поедешь в моё родовое село Буртунай; раньше у всех на огородах росла картошка, морковь, капуста, а сейчас огороды пустуют. В моём детстве у нашей семьи было 5 огородов вокруг села, плюс в Кизилюртовском районе арбузы выращивали на 2 га, плюс сенокосы. Сегодня молодёжь не хочет столько работать.

Здесь нестабильное земледелие. Одно село Инча живёт за счёт винограда — они в низине, там тепло. На остальной территории сырая погода, говорят, что после строительства Чиркейской ГЭС сырее и холоднее стало, так как там площадь испарения огромная. Только в Бабаюртовской зоне развивается животноводство, рисовые чеки.

Все хотят землю, а она не у нас на балансе, а у республиканских структур. Нужно продавливать,

иногда получается, иногда нет. Фермер Умаров вам пожаловался, что не дают землю. Так ведь участок, который он хочет, — на скотопрогонной трассе. Это решается только на правительственном уровне, все леса подчиняются Лесному агентству.

Сельхозпредприятия работают неэффективно. Они же раньше были колхозами, потом СПК, кооперативами — все хозяйства развалились. В Ленинауле «Дружба», «Победа» были одними из крупных хозяйств в республике. Кто их развалил, те и создали кооперативы. Все земли у сельскохозяйственных предприятий, и всё зависит от того, насколько эффективно они работают. В Калининауле земли через суд вернули на баланс сельской администрации, потому что они пустовали.

Дефицит земли обостряет местный менталитет. Стоит главе села выделить кому-то участок, тут же кто-то может заявить: это наше родовое место; возникают конфликтные ситуации. Вот и не спешат идти сюда инвесторы по моральным соображениям. Те, кому земля принадлежит, не имеют средств в неё вкладывать, но они надеются, что деньги когда-то появятся. А земля-то пустует!

Заброшенные огороды мы раздали под строительство, и тут же возникли конфликты. Вокруг нашего села, куда ни пойдёшь, везде чьё-то родовое место, и никому его не дают, и никто туда не лезет. Даже если мы дадим, тот человек из моральных принципов не пойдёт. Вот, например, Сулакский каньон. Было очень много людей, которые хотели туда инвестировать, но зубутлинцы отговорили, сказали: это земли наших предков, мы же к вам в район не идём.

В Казбековском районе за много лет государство не построило ни одного социального объекта. За последние сорок лет построили одну школу в селе Хубар, и то потому, что там школы вообще не было. С тех пор ни один объект не построили, в этой сфере только частные инвестиции. Есть две недостроенные школы в Ленинауле и в Буртунае, но с 2013-го деньги на них не выделяются. Из года в год какие-то объекты включаются в республиканскую программу, а потом секвестрируются. 70 процентов образовательных учреждений нуждаются в капитальном ремонте. Единственное, что нам удалось за сорок лет, это улучшить состояние дорог в райцентре и Калининауле. Очень большая проблема с водопроводами, в Дылыме вода подаётся по графику, поэтому жители по своей инициативе и на собственные средства сами строят водопровод на пять сёл из реки Акташ.

Буду работать с новым руководством республики, чтобы некоторые наши объекты туризма и АПК включить в инвестиционную программу. Думаю, что люди должны вернуться к семье и заниматься паашнями, животноводством, овощеводством.

Кстати, у меня есть аккаунты в Инстаграмме, в Фейсбуке; всем, кто в личку пишет, я напрямую отвечаю, а многие не верят, что я там сам бываю. Так что, на связи.

Из Казбековского района мы уезжали поздно вечером. Здесь удивительно красивая природа, с интересными местами, которых нет больше нигде. Здесь неплохо освоили современные рекламу и маркетинг. Осталось только сделать так, чтобы старые традиции не мешали, а помогали людям развиваться и богатеть.

Влада Бесараб

Пленэр

ТЕПЛО ДЖУРАБОК И ОБЪЯТИЙ

Минорка Мухоморова 2011

Последняя ночь перед закрытием I Биеннале печатной графики «Кубачинская башня» выдалась на удивление ясная и лунная. Полная луна висела прямо над башней, а вездесущие туманы, поглощавшие то одну, то другую часть древнего аула, а то и проглатывавшие его целиком каждый вечер на протяжении двух недель, уползли куда-то в горы и затаились.

22.07.18.
14:30

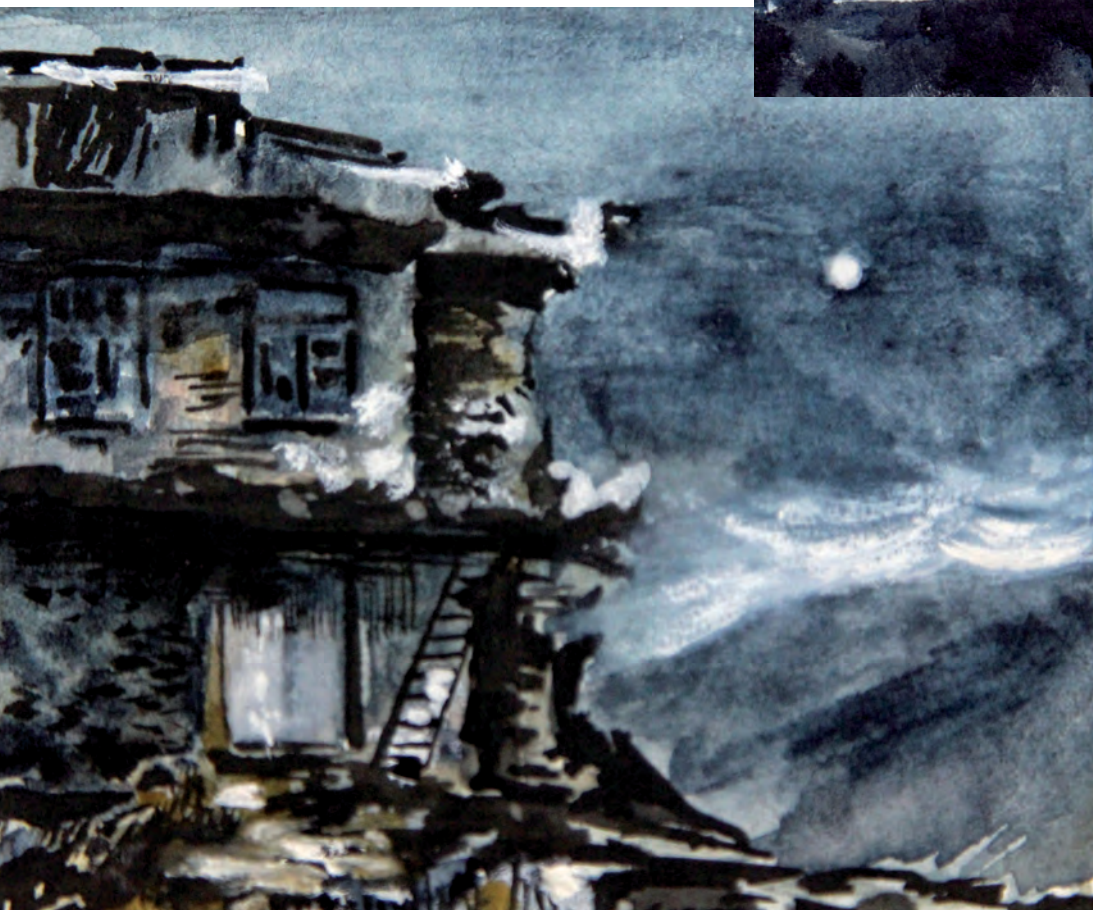

В доме семьи Каймарасовых (он прилепился к склону в самом центре старого села — как раз над древней мечетью), служившем в эти дни пристанищем для шумной художественной коммуны, никто не спал. Почти все его обитатели высыпали на плоскую крышу и, разложив акварель и кисти прямо на жести, уже влажной от ночной росы, но ещё хранящей тепло дня, спешили запечатлеть окружающий пейзаж. За время пребывания в селе художники так хорошо изучили этот вид на горы, старые дома, каменные тропинки улиц, петляющие вниз по склону, что, наверное, легко могли бы изобразить их по памяти с закрытыми глазами. Но это была такая ночь, такая луна, когда всё вдруг делается особенно красивым, таинственным и манящим.

А потом пришёл друг и учитель, главный идейный вдохновитель и куратор биеннале, блестящий мастер графики Юсуп Ханмагомедов, которого студенты и недавние выпускники (да и автор этих строк, честно признаться) за глаза кличут просто «Мамаичем», чему он, кажется, только рад.

Мамаич допоздна был в башне, где на утро предстояло закрытие биеннале и открытие выставки пленэрных работ.хлопот с этим оставалось ещё много, а времени мало.

Но, застав молодых художников за работой, учитель отвлекся от мыслей о рамках, рейках и крепеже. Перед ним встала другая проблема — как выстроить экспозицию, если добавить в неё ещё несколько работ. Вот этих самых, которые ещё даже не высохли. А не добавить нельзя! Потому что без этой ночи, и луны, и неба, которое такое чёрное, что на самом деле синее (или наоборот?), пленэр будет не завершён.

Решили, что утро вечера мудренее.

Утром все пошли монтировать экспозицию. Пилили, вбивали, резали, клеили. Вешали. Кое-что отклеивалось, провисало, хотело упасть. Поправляли, закрепляли. Торопились, нервничали, смеялись. Смотрели и радовались. Выступали и аплодировали. Кубачинцы, узнавая на графических листах родные дома, переулки, двери, балки, а то и самих себя, радовались, как дети.

Наш журнал публикует лишь часть работ, выполненных за время кубачинского пленэра. Хотя среди них и те, что в выставке на башне не участвовали: что-то не поместилось, а что-то было закончено уже в городе, после возвращения из поездки. Рисунки Юсупа Ханмагомедова, напротив, выполнены несколькими годами раньше. Но мы решили включить их в наш проект. Потому что, во-первых, без него биеннале не состоялась бы. А во-вторых, без него не состоялись бы как художники те дагестанские графики, чьи работы мы представляли на страницах нашего журнала с момента появления проекта «Пленэр» и кто приехал в Кубачи на биеннале прошлым летом. Мы очень надеем-

ся уговорить-таки Юсупа Мамаевича поучаствовать в проекте, так сказать, соло, а пока представляем его работы в окружении произведений коллег и учеников.

За полтора года, что существует журнальный проект, нам приходилось слышать, что, мол, эти графики все одинаковые. А они разные! Как тутта и мархарай, как золотые узоры на платках-казах кубачинок, как орнамент на джурабках, которые умеет вязать каждая жительница аула старше семи лет. Женщины со спицами и разноцветными клубками в руках — такая же неотъемлемая часть кубачинского пейзажа, как башня или мостик на аульской площади. Их можно застать за вязанием и на крылечках, и на крышах-террасах. На рисунке Андрея Гончара вязальщицы расположились на перекрёстке улиц в старом селе. Эта небольшая площадка бывает залита солнцем, коль уж оно решает разогнать туман и заглянуть в аул, вот её и облюбовали мастерицы. У них там что-то вроде годекана. Сидят, вяжут, болтают, перебрасываются шутками с художниками, которым это место тоже приглянулось. Передать эту атмосферу, на наш взгляд, автору удалось в полной мере.

С джурабками связана замечательная история, которая произошла с другим Андреем, Калугиным, самым молодым участником биеннале. Он очень активно участвовал в подготовке выставок, оставаясь в селе на протяжении чуть ли не целого месяца. Как самый молодой и длинноногий, Андрей сновал туда-сюда — то гостей проводить-встретить, то продуктов купить, то инструменты к башне принести — так часто, что его долговязая фигура за это время примелькалась всем обитателям аула. А открытая улыбка, доброта и радушие были по достоинству оценены местными бабушками, которые в людях разбираются не хуже, чем в серебряных украшениях. За день до отъезда художник вспомнил, что не купил себе джурабки, и отправился за ними в магазинчик на площади; но, увы, джурабок сорок последнего размера там не оказалось. И в соседнем магазине тоже. Бабушки переполошились — нельзя же оставить такого замечательного мальчика без такой нужной вещи! — и кинулись искать по всему селу, причитая, что ж ты, дескать, раньше не сказал, мы б тебе связали. И ведь связали же! За ночь. Вручили утром, перехватив «Газель» с художниками на площади у башни перед самым отъездом.

Разве можно спутать на акварели Андрея Калугина, который заливает краской всю поверхность листа и колдует над ним, добиваясь плавных растяжек цвета, с акварелями Хадижат Магомедовой, где едва обозначены цветом земля, небо, архитектура, а глубина и объём пространства создаётся за счёт самого тона бумаги?

Джамиле Шахбановой, кажется, и вовсе не нужны цветные краски, она обходится чёрной, которую разбавляет и разбеляет, добиваясь тончайших оттенков. Но это не значит, что она живописует только серость и сырость. В её гризайле много солнца. Джамиля — прекрасный портретист, ей хорошо удаются бытовые сценки, но на этот раз художницу больше увлекли архитектурные зарисовки. В эту поездку много писала акварелью и Татьяна Серебрякова. Таня приехала в качестве гостя, она — живописец, и это чувствуется по тому, как она обращается с цветом: даже дождливый, пасмурный день в её работах сверкает и переливается всеми цветами радуги.

Акварельный портрет девочки работы Джаннат Юсуповой нежностью стиля, тонкостью исполнения напоминает детские и женские портреты знаменитого акварелиста начала XIX века Владимира Гау.

Магомед Даудов и Исхак Исхаков отдают предпочтение карандашу, да и формат листа выбирают

побольше — не любят мельчить. Но один и тот же панорамный пейзаж у первого получается обобщённо-монументальным, а у второго — лирическим, почти интимным, сотканным из тёплого июльского воздуха. И ни с одним из них не спутаешь Багжат Дибирчуеву, которая на этот раз тоже предпочла карандаш другим материалам.

Никого ни с кем не спутаешь, одинакова у всех лишь любовь к искусству и к аулу Кубачи. И кубачинцы, кстати, это чувствуют и ценят. «Мне же кольцо подарили! — Таня прямо-таки подпрыгивает от восторга. — Бабушка одна подошла ко мне, когда я рисовала, внимательно посмотрела на работу, мы разговорились, а потом она сняла со своего пальца серебряное колечко и подарила мне!».

В узорчатых джурабках, в серебряном колечке, в чае с травами, в свежем чуреке с сыром, в объятьях местных бабушек и крепких рукопожатиях златокузнецов измеряется успех художника, если он приехал в Кубачи.

Совсем скоро выставку пленэрных работ можно будет увидеть в Махачкале, а потом она, согласно условиям проекта, реализуемого при поддержке Фонда президентских грантов и общественной организации «Содружество», поедет в Дербент, Москву и, возможно, регионы Северного Кавказа.

ЭТИКА ЭТНОСА

Продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Взаимоотношения мужчин и женщин в джамаате характеризовались не только некой отчуждённостью, но и подчёркнутым взаимным уважением.

У женщин по отношению у мужчинам проявление уважения отличалось некой демонстративностью. Мужчины чаще всего проявляли своё уважительное отношение к женщинам ненавязчиво, зачастую — почти скрытно, «неброско».

Этикетные правила требовали от мужчины, чтобы он, где и как только это возможно, «не замечал» женщины. Следуя сложившимся нормам приличия, мужчина приветствовал женщину или группу женщин, выказывал уместное в данной ситуации добропожелание, заговаривал с ней или с ними лишь тогда, когда избежать контакта было невозможно, а попытка уклониться от общения граничила бы с проявлением нетактичности и невоспитанности.

Лицо духовного звания в джамаатской среде пользовалось большим авторитетом. Кадий, дибир, мулла в большинстве бытовых ситуаций первыми получали приветствие от встречаемых, в т. ч. и от группы мужчин. Однако, проявляя благорасположенность и благовоспитанность, представитель духовенства нередко сам первым приветствовал и группу мужчин, и старшего по возрасту, и престарелую женщину.

К больному родственнику, соседу, односельчанину принято было регулярно навещаться, справляться о здоровье, предлагать свои услуги, приносить с собой лакомства, питательные продукты и блюда.

Частота и продолжительность посещения зависели от степени родства, дружеских отношений, человеческих симпатий и привязанностей. В равной степени зависели они также и от личных человеческих качеств больного, его имущественного и социального статуса, от характера заболевания, пола и возраста страждущего. Продукты, блюда, лакомства и проч. приносили только женщины.

Лежачий больной не должен был оставаться наедине с собой. У его постели собирались друзья и родственники, ровесники, (родственницы, соседки, подруги, односельчанки — у женщины).

Они вели неторопливые беседы, развлекали больного новостями, шутками, различными историями и т.д. «На постели страданий да останешься один!» — бытует проклятие у аварцев. Близко к нему и проклятие лакцев: «У постели болезни да не найдётся (у тебя) человека!». Разумеется, всё это происходило в тех случаях, когда строжайший покой для больного был необязательным.

Стенания и жалобы больного (тем более, если это мужчина) считались проявлением бесхарактерности и слабости, дурным тоном.

У постели тяжелобольного общая атмосфера была иной: присутствующие, приходящие вели себя тихо, переговаривались шёпотом и могли располагаться не у ложа, а в соседней комнате.

У постели умирающего человека собирались лишь ближайшие родственники, остальные покидали помещение. Горестные вздохи, сожаления, стенания, рыдания и проч. совершенно исключались.

Со дня смерти члена семьи или близкого родственника и в продолжение значительного периода (2–3 месяца и больше) члены джамаата, а также близкие и знакомые из соседних селений оказывали знаки внимания людям, понесшим потерю.

В присутствии находящегося в трауре прекращались шутки, смех, перебранки, ссоры и проч. Со своей стороны, члены семьи и родственники умершего, избегая ставить людей в неловкое положение, отказывались на какое-то время от участия на всяких сборах и собраниях. Если это по каким-либо причинам не удавалось, находящемуся в трауре уступали место, кто-либо из старших по возрасту вкратце объяснял пришедшему суть происходящей беседы (спора, дискуссии) и предлагал ему высказать своё мнение. Следуя сложившимся этическим нормам, присутствующие, не стовариваясь, переключались с шуток или весёлых разговоров на серьёзные (хозяйственно-бытовые, общественные, богословские, морально-этические) темы. При этом беседа незаметно переключалась на личность умершего, умершей: о его, её хозяйственной хватке, об умении к месту

сказать весомое слово, о храбрости, щедрости, мудрости, остроумии и проч.

И в этих случаях, и во всех предыдущих или последующих, к имени покойного обязательно добавлялась формула «да простятся ему прегрешения», «да пребудет (он, она, на том свете) с миром», «да попадёт (его, ее) душа в рай». В этой части разговора родственник не принимал. Молча выслушав всё хорошее, высказанное в адрес умершего, он обычно тактично, умело переводил разговор на отвлечённую тему, давал беседе иное направление и, сославшись на неотложные дела, покидал собрание.

Иначе говоря, члены джамаата ненавязчиво демонстрировали находящемуся в трауре свою сопричастность к горечи утраты, а родственник покойного, проявляя скромность и воспитанность, давал возможность присутствующим отвлечься от тягостного чувства сострадания.

Женщины в подобных ситуациях вели себя несколько проще и раскованно, хотя шутки, веселье, смех в присутствии находящейся в трауре и здесь совершенно не допускались.

Жалостливые сожаления и причитания в женском собрании, как правило, начинались

сразу же; стенания и плач могли длиться довольно продолжительное время, перечисление достоинств покойного в воспоминаниях и рассказах продолжаться часами, перемежаясь с подобным же поминовением умерших родственников других присутствующих женщин.

Схожие нормы взаимоотношений складывались также в отношении родни человека, скрывающегося от кровного преследования или отправленного в канлы. Разница заключалась в том, что о достоинствах такого человека на собраниях мужчин не распространялись, а в стенаниях и причитаниях женщин перечислялись невзгоды, павшие на убийцу и его семью.

По нормам традиционного этикета, родственники и односельчане посещали семью, понесшую ощутимые материальные или моральные потери: ограбление, падеж скота или его утерю, пожар, последствия стихийного бедствия, проигранный судебный процесс и др.

Пришедшие высказывали свои сожаления, предлагали помощь, говорили приличествующие данной ситуации слова утешения и проч., иными словами, демонстрировали свои сопереживания по поводу случившегося.

Могла быть в подобных случаях оказана и материальная помощь, отказываться от которой было не принято.

С поздравлениями и соответствующими ситуациями добропожеланиями приходили родственники и односельчане также к хозяину, сделавшему значительную по стоимости покупку, приобретение (конь, корова, бык, участок пахотной земли, сенокоса и проч.). При этом на купленного жеребца близкие родственники и друзья набрасывали ковры и коврики, паласы, отрезы материи, переметные сумы (хурджины) и проч. — всё это в дар хозяину. Поздравления и благопожелания получал от пришедших также хозяин по случаю приплода от скота: жеребёнка-самца, тёлки или бычка. В каждом из перечисленных случаев хозяин накрывал стол для посетителей.

Обилие и разнообразие блюд стола всегда находилось в зависимости от степени важности, значимости покупки, приобретения, приплода, а также, разумеется, от материального достатка данной семьи.

Число лиц, пришедших с поздравлениями, соответствовало степени популярности человека в джамаате, его личным качествам, принадлежности к тому или иному тухуму, его социальному и материальному положению.

Тем не менее, в любом случае чьё-то невнимание, чей-либо неприход с поздравлениями хозяин склонен был рассматривать как пренебрежение к своей особе, проявление недоброжелательности или даже заглавной злонамеренности.

Ирина Анохина

Не странно ли, что я, прожившая первые двадцать с лишним лет своей жизни в Дагестане, и уехавшая из него сначала в Украину, затем в Португалию, а после в Испанию, сейчас живу в Стране Басков. Там, где мужчины brutальны, женщины строптивы; в Стране Басков, бесконечно твердящей о своей исключительности и мечтающей об отделении. В Стране Басков, что иногда так напоминает мне Дагестан.

ОБЫКНОВЕННЫЕ БАСКИ

Я хочу рассказать вам о Гетарии, городе в Стране Басков, в провинции Гипускоа, в Испании.

Хочу рассказать о её героях. О пиратах. О памяти, коварстве, сокровищах, изворотливости и о том, какие крутые виражи закладывает история.

Итак, Гетария — это городок, а скорей деревенька, крепко прилепившаяся к скалистым обрывам Кантабрийского моря, что в Бискайском заливе.

Дорога в Гетарию проходит через Сараус или Зараутс — каждый по-своему произносит это загадочное имя. Сараус — холмистый, компактный, с деревьями хурмы во дворах. Такие же деревья росли во дворах частных домиков, — и осенью, будто яркие оранжевые фонарики, зажигались, —

по улице Циолковского, по улице Салаватова, по улицам Чехова, Фурманова, Руставели, Батырая, Нурадилова... Но всё это было в городе моего детства, в Махачкале, откуда я давно уехала, и куда вряд ли вернусь. Так вот, о хурме, тут плоды этого дерева называются греческим словом — «каки».

Старый город несёт на себе печать средневековой Испании с сильным арабским влиянием.

Из Сарауса в Гетарию ведут две дороги.

Одна проходит по кромке моря, вернее, над морем, по отвоёванной у скал узкой полочке, кое-где даже нависая над волнами. Даже при невысоком прибое волны залетают на дорогу. Происходит своеобразная игра: смотришь, впереди на дорогу выхлестнула волна, тормозишь и, когда

вода отходит, жмёшь на газ, чтобы проскочить перед следующим накатом.

Но во время же прилива с волной полиция дорожку эту закрывает, иначе унесёт вас в море-окиян.

Есть вторая дорога, поверху, через гору, безопасная и по-своему красивая. С дикими скалами, непролазными кустистыми чащобами и домиками гномов на солнечных лужайках и бескрайними виноградниками с винными заводиками, где выдвывается знаменитое белое вино «Чаколи гетариако» — со смешанным привкусом медового изюма и морской горьковатой соли.

Там, внизу, Гетария.

Изначально жизнь тут была совсем не райской. Ненадёжные дороги, бурное море препятствовали связям с внешним миром, но зато и королевский двор не особо досаждал своим вниманием.

Отважным и отчаянным людям, живущим на холмах, позарез был нужен выход к морю. Но им не досталось ни удобной бухты, ни пологого берега.

У них были только отвесные обрывы, состоящие из ломких, хрупких, неверных сланцев и песчаников.

Под ними беспокойный океан и маленький островок, в полумиле от берега, похожий на мышь, смотрящую в море, в сторону Британии.

Островок, вернее скалу, так и зовут — Ратон де Гетария (гетарийская мышь).

Решительные предки современных гетарийцев, попотев изрядно, превратили свои обрывы в терраски, а куцый мышинный хвостик — в крепкую дамбу из каменных глыб.

И построили уютный порт под прикрытием Ратона, а над портом — красивый городок с крепостью, как принято.

Между портом и берегом образовалась мелкая заводь с маленьким пляжем и песчаным дном.

Море постаралось, натаскало песка.

В те давние времена никто, конечно, здесь не купался и не загорал, ни в бикини, ни голышом, не

охотился с аквалангом на морских чудовищ, не сживал тёплыми летними вечерами в уютных ресторанчиках, глядя вдаль.

На таких тихих райских пляжиках, защищённых от волн, потрошили и разделявали туши убитых китов.

Это и было своеобразным народным промыслом — охота на китов, да на корабли, проплывающие мимо.

Причём гетарийцев не очень заботило, какой короне принадлежали кораблики.

Но кончились лихие времена, киты пропали, и нынешние жители Гетарии промышляют только рыбкой.

Хрупкие скалы продолжают разрушаться, Рай рассыпается, как песочное печенье, а старые домики продолжают стоять, вцепившись в шаткие камни. Люди пытаются удержать скалы, упаковывают их в стальные авоськи, спутывают стальными тросами, чтобы не сильно разбегались в стороны и не сыпались на головы и на машины. Но разве скалы удержишь, если они решили бежать?

И если удержишь, надолго ли?

А с парадной стороны эти же домики выглядят так устойчиво, надёжно и красиво. И намёка нет на неминуемую катастрофу.

Ну вот, на чём мы остановились?

Ах да, в те давние, славные времена (ещё до открытия Америки) были, значит, у гетарийцев обрывы, океан и Мышь, и они из этого, потрудившись изрядно, соорудили маленький, уютненький рай и зажили нехитрой своей райской жизнью, на плоско-холмистой Земле, покоящейся на трёх китах посреди космоса-океана.

Прошли века (Гетарии больше 800 лет), земля вращалась, невзирая на мнения.

Колумб (сосед-португалец) открыл Америку, вернее выплыл прямёхонько к ней по старинным пиратским картам, добытым (под пытками или по доброй воле?) в одной из тюрем Мадейры у британского пирата-каторжника, приговорённого к повешению. Которого после этого быстренько и повесили.

Настали времена новых великих открытий.

Испания с Португалией, померявшись силами и сговорившись, принялись делить меж собой свежесозданный ничейный круглый мир.

«И при чём тут Гетария?» — спросите вы.

А вот при чём — кроме виноградников, обрывов и мыши, был ещё у Гетарии ПЁС.

Ну конечно, совсем не животное, как, впрочем, и Мышь, а очень даже человек, звали его Хуан Себастьян Эль Кано.

(Кто дружен с латынью, поймёт, об чём я — «elcano» или «elcan», переводится как — кобель, пёс.)

Слабость такая у сельских жителей, что в Испании, что в Дагестане, — клички давать.

Эль Кано этот, заскучав от малоходовных и рискованных пиратских набегов, из деревни своей в юности свалил в Мадрид, а потом в Севилью. Там тусовался в самой гуще прогрессивной знати, обучаясь всему новому и модному.

А в моде в те времена были открытия новых земель, новых, несметных богатств и всего, что с этим связано, т. е. — мореходство.

Экспедиция Магеллана (Фернандо Магальяш, португалец, кстати, как и Колумб) впервые обогнула землю в начале XV века, отправившись за

пряностями и золотом в Индию на пяти кораблях.

Капитаном одного из них был 20-летний гетариец Эль Кано. А через пять лет, в течение которых умер Магеллан и оказались потоплены 4 корабля, вернулся в Севилью предводителем 18 полуживых оборванцев, теми, кто уцелел в экспедиции.

Вернулись они без золота, без пряностей, но с вновь открытыми землями, преподнесёнными в дар испанской короне.

Вся слава досталась почившему Магеллану, ну а денежное королевское пособие и родовой герб с глобусом достались Эль Кано.

На глобусе красовалась надпись на латыни: «Ты обогнул меня первым».

Но стоит в Гетарии памятник Эль Кано — наш герой, указывающий вдаль, почему-то в сторону Британии.

Вернувшись домой знатным, но не очень богатым, энергичный юноша, конечно же, не успокоился.

Официальная история Испании умалчивает о дальнейших подвигах отважного гетарийца, зато в местных легендах память о нём жива по сей день.

Говорят, что славный юноша убедил-таки короля вложить немалые деньги в очередную авантюру, посулив двору несметные сокровища в виде золота инков.

С тем и отплыл в неизвестность на нескольких кораблицах, прихватив комплект алых парусов. Под ними он должен был триумфально вернуться из похода — ведь дело было верное и успех гарантирован.

Из похода Эль Кано вернулся в привычном уже образе несчастного оборванца, на одном-единственном кораблике и с трёмя или четырьмя спутниками. Остальное всё где-то потерялось. Трюмы были пусты: ни золота, ни еды, ни воды, ни бус, что вёз он как подарки наивным инкам.

Но от внимания королевского двора не укрылось, что после отплытия героя в одну ночь исчезли из Гетарии все его родные

Тут уж любой инвестор всполошится и сядет ждать у причала.

А что Эль Кано вернётся в Гетарию, было ясно как белый день. Всё, к чему он был привязан (кро-

ме пиратства, разумеется), находилось на этом крохотном куске суши.

Знаменитого голодранца на причале встретили, спросили ласково, как ему плавалось, и, поддерживая под неисхудавшие руки, бережно проводили к дому, где он и прожил следующие несколько лет, — в тюрьму.

По прошествии нескольких лет вдруг вышел Эль Кано из тюрьмы и у её ворот обнялся с родными, возникшими из ниоткуда. Все внезапно разбогатели: инвесторы, мореплаватель, да и все гетарийцы с их родным городком.

После этого Эль Кано из доступной официальной истории исчезает. Написано только, что погиб он в возрасте за 50 на Моллукских («дурацких», в переводе с португальского) островах.

Благодарная Гетария поставила второй памятник своему герою, неподалёку от первого и спиной к нему. Здесь он уже не восторженный юноша, бредящий путешествиями, а вполне обеспеченный и уверенный в себе солидный сеньор.

А вот место, где стоял когда-то дом Эль Кано, заросло крапивой и бурьяном. Только доска памятная на полуразрушенной стене. Будто геттерийцы до сих пор роют на этом месте, пытаются отыскать припрятанные им сокровища. Размечтавшегося путешественника могу успокоить тем, что все многочисленные пещеры на побережье этого романтического края были многократно и тщательно обследованы поколениями кладоискателей.

Вслед за великими мореплавателями, мотавшимися по земному шару враз-вперед, поток богатств изменил своё направление на обратное.

К нашему времени индейцы тоже освоили завоевательную торговлю. Теперь уже инки и ацтеки привозят в Испанию дешёвые пластмассовые и стеклянные побрякушки, всякие кожаные фенки, сделанные из старых ботинок и сумок, разноцветные повязки, шарфики из синтетики.

Это всё с успехом обменивается на твёрдую европейскую валюту.

На гетарийский индейский базар, один из популярнейших в Стране Басков, приезжают туристы со всей Испании, Франции, Германии и Англии.

Но главная прелесть этого места в другом.

В таинственных узких улочках, шёпотом передающих эхо твоих шагов от дома к дому.

В заросших ярко-зелёным плющом и бугенвиллей лесенках. В крутых обрывах над пляжем с цветущими весной камелиями.

В площадках и террасках, безлюдных в летний полдень, когда всё разморенное жарой население

нежится на пляже или сидит в кафешках, обдуваемых морским бризом, ожидая своей порции запечённой на углях рыбы.

И в рыбалке.

В здешних глубоких тёмно-синих водах водятся невообразимые существа.

На обычный спиннинг можно выловить чёрт знает что — рыб, кальмаров, каракатиц, осьминогов, и даже водолазов.

Клюют они, водолазы, на морского червя или на сардинку. А лучше всего идут на крупного осьминога, который уже попался и сидит у тебя на крючке.

Наш водолаз вот как раз на осьминога и клюнул.

Мы его почти уже вытащили из воды, но он, гад, ушёл. Обрезал ножом леску и погрузился в пучину, прихватив нашего осьминога.

Наверное, был это подводный пират.

Вот такие в Гетарии происходят чудеса.

ВЕРЮ НЕ ВЕРЮ

(Продолжение. Начало в № 4)

Умараги Салихова

Мой мир

Так вот, я росла уже в рабочем бараке города Магнитогорска (папу опять перевели) и с балкона второго этажа смотрела, знакомилась и изучала свой мир. Иногда просыпалась рано и видела, как люди каждый день куда-то бегали — оказалось, на работу. Поезд всё время возил руду в сторону огромной доменной печи, там из неё варили сталь. Папа всегда очень рано уходил — я ещё спала, и очень поздно приходил, но я его долго ждала. Он стряхивал с себя снег, брызги летели на меня, и я смеялась, лезла на спину, висла на шее и мучила вопросами.

Однажды я нащупала на его голове огромный шрам и спросила, кто его побил? Он сказал, что упал в тайгу с самолёта при катастрофе. Он летел в Тикси, и самолёт упал. Его спас сугроб. Зачем летел в Тикси, я не стала спрашивать, поняла, что он там работал, но было жалко папу, ему, наверное, было очень больно.

Нижний Тагил, Качканар, Тикси, Норильск, Байконур, Магнитогорск, Златоуст, Челябинск, Москва — где только мой папа не работал до того, как переехал в Дагестан. И мама за ним, как «хвостик».

Хорошо помню огромные новогодние подарки. В них были мандарины, шоколадные плитки «Алёнушка», кукурузные хлопья, кон-

феты и печенье, орешки, театральные помадки — почему, интересно, они так назывались? Их ели только в театре или там готовили? До сих пор не знаю.

Иногда папа приносил большие цветные бумажки. Оказалось, это были деньги — я узнала потом. Цветные бумажки мама прятала под матрас. Когда мама уходила куда-нибудь, я их вытаскивала, складывала и делала из них машинку, дома, мост и водила машинкой по своему «городу». Но они пропали, то есть обесценились — ими потом бабушка оклеила двери туалета и весь сарай! Только премии папа получал по 75 рублей, это были огромные деньги по тем временам. Впрочем, папа деньги считал просто бумагой: мог раздать их детям на улице, сжечь, порвать, и никогда «не молился» на них... Он устраивал такие показательные уроки, помню однажды в селении, в доме у своего двоюродного брата он порвал и выкинул в растопленную углём печку целую пачку двадцатипятирублевых купюр...

Зима в Сибири была очень долгой, почти всегда — мне так казалось. Снежинки, когда они падали на мою чёрную варежку, были очень красивые, как кружева, разные, разные! А когда начиналась пурга, ветер страшно выл, и я калачиком сворачивалась под папиной курткой на

русской печке и спала. Вот очень практичная и удобная эта печка! Сразу несколько комнат обогревала. По этому примеру папа потом в селе сделал печь, чтобы гости не спали в холодных комнатах зимой, да и самим было очень удобно, везде тепло. Только на нашей печке не спали...

Иногда папа уезжал надолго, и мама говорила, что он в командировке. А иногда, когда не было снега и было тепло, мы вместе ходили в город, папа надевал на голову каракулевую папаху, как в селе мужчины, а мама — белый, вышитый, шёлковый платок с длинной бахромой и платье из красного хара. Папа говорил маме: давай, Сиядат, покажем им Дагестан. И в самом деле, все смотрели на них, а я гордо шла, держа их за руки. Иногда папа ходил в очках, шляпе и плаще, как «шпион», и я не могла понять, кто он.

В те времена Челябинск и Златоуст были «закрытыми» городами. Туда запускали по специальным пропускам. Теперь, когда всё закрытое стало открытым, я понимаю, в каком опасном месте работал папа и жили мы. Не зря он говорил, что там была чёрная зона — смертельная. Со знаком ядерной опасности я знакома с тех пор, колючую проволоку и эти знаки я помню. Он через много лет рассказывал, что там происходило... Папа говорил, там были испытания, взрыв какой-то бомбы, опасно. Потом мы уехали. Ехали очень долго, и приехали мы в место, где не было зимы (я вначале так думала). В поезде папа подарил мне красивую куклу, она всё время звала маму. Я хранила её до десятого класса, а потом она исчезла, наверное, ушла к маме...

Мой Дагестан

Это был посёлок Дубки, на краю красивого Сулакского каньона. Мне уже было почти пять лет. Первые дни я с большим интересом смотрела, как какая-то большая машина привозила половину комнаты, кран снимал её, ставил на бетонные блоки. А потом привозили вторую часть, и строители соединяли их болтами, засовывали стекловату в щели, забивали досками и клеили на это место обои. Вот и комната готова. Так и построили нам тоже домик из трёх огромных комнат, ванной, кухни, коридора, веранды и туалета. Он был очень красивый, родной и уют-

ный. Мне он нравился, может быть, оттого, что он стоял на родной земле Дагестана. Любовь к родине бывает в крови, я это точно знаю! Папа мне объяснил, что этот дом называется коттедж, его придумали в Финляндии. К этому домику потом пристроились огород, сарай и беседка. Я думала, что все дома так строят, но оказалось, в селе его строят из камня, и это очень тяжёлый труд. Сама испытала. Ведь папа всегда «думал», что я помощник, т.е. мужчина. Просто некому было помочь ему. Вот с этого сарая и невинных овечек началась моя взрослая жизнь в пять лет.

Посёлок Дубки

Я думаю, что все эти испытания и трудности, которые я видела с детства, «построили» меня как личность, закалили и обогатили физически и духовно, дали силы устоять перед дальнейши-

ми жизненными ситуациями. Это всё обогащение и выкладывается сегодня на эти листочки с моим рассказом об обыкновенной дагестанской девочке.

*Я приехала в село
мама с двоюродной сестрой
и рядом моя будущая золовка 1967 год*

*Меседо Саламова, Умарали и Зара
Керимовна (я в центре)*

Космос и папа...

Папа уже работал на строительстве Чиркейской ГЭС, газосварщиком. Когда я спрашивала у него, что это такое, он говорил, что он «сварил» Московский университет, Останкинскую башню, в Байконуре он, опять же, «варил» шарниры или ещё что-то там, что он там подружился с Гагариным и Титовым.

Я не верила, думала: вот папа врёт, с самим Гагариным, говорит, знаком был. Я его простила за «враньё», когда мама перебирала какие-то бумаги и оттуда выпали фотографии папы с Гагариным и надпись сзади, которую я ещё читать не умела. Мама прочитала, но не убедила.

Потом я сама научилась читать и прочитала: «На память Васе Керимову от Юрия». Они, оказывается, так называли папу, как будто не могли произнести — Вагид. Когда в космос полетела Терешкова, я помню очень хорошо. И вот почему. У нас не было телевизора, а у тёти Маруси он был. Папа однажды сказал, что идём к Марусе все вместе. Мы с мамой и папой взяли всяких гостинцев и пошли. Сели, как в кино, и

смотрели передачу: там чествовали прилетевших из космоса Титова и Терешкову. Папа почти всех называл по именам и рассказывал про них. Это было что-то наподобие «Голубого огонька»...

У папы было очень много друзей и знакомых, очень многих я не помню.

Если бы пока родители живы, мы, дети, открыли бы не только уши, где в одно влетает, а в другое вылетает, но и сердцем умели бы слушать их, где может что-то остаться, осесть, то я бы многое помнила. Но почти все дети эгоисты, особенно маленькие; их волнует только то, что их касается. Такая была и я, о чём очень сожалею до сих пор.

Папа рассказывал очень много историй о Байконуре: как запускали ракеты, и они много раз падали, взрывались, не доходя до цели, теряли орбиту, сколько труда вложил советский народ в космос. Сколько было людских потерь, материального ущерба, кропотливого труда, но добились своего — первым в космосе был наш Гагарин...

Подпасок

Так вот, один из друзей папы — из селения Амущи Хунзахского района, тоже жил в Дубках. Его звали дядя Ислам. У него было много детей, был также один сын, который не ходил, а передвигался сидя, помогая ногами и руками. Я думала, что ему лень встать и попробовала так «ходить», но очень быстро устала. Потом я узнала, что он инвалид. Дядя Ислам и папа купили по 15 баранов, и я, не догадываясь даже, что этих бедняжек ожидает, играючи пасла их в дубняках, оврагах и полях. Хотя не всегда это было играючи.

Поля были очень зелёные, даже тогда, когда всё вокруг желтело и сохло. Это была озимая пшеница, и я гоняла туда своих баранов. Однажды прискакал на коне один дяденька и кричал, что он арестует меня и овец, и снимет шкуру, а у родителей, за ущерб озимой пшенице его колхоза, заберёт всё имущество. Он выгнал нас с поля. Каждый раз после его ухода, я аккуратно гоняла овец обратно, и пасла их там, пока они становились кругленькие и сами поворачивали к дому.

Удивительные были эти овечки! Целый день мы вместе с детьми дяди Ислама пасли их, они перемешивались, но вечером они, как школьники в строю, разделялись и шли каждый в свой сарай. Днём, до нашего прихода, мама отваривала перловую крупу, а вечером мы с папой кормили этой крупой овец. Вместе с ними я тоже, горстями, с удовольствием ела эту перловку. Мне было всего пять лет!

Когда у меня родились и росли дети, я с ужасом думала, как могли мои родители отправлять меня одну на край Сулакского каньона, в эти горы и овраги, леса и поля. Там часто стоял очень густой туман, я теряла овец и бродила, пока не найду. Бывали страшные ветра, ураганы — однажды ветер вырвал меня из маминых рук, и я скатилась в овраг. Я могла упасть со скалы вниз, и никто бы меня не нашёл. Но об этом я думала потом.

Прекрасное было это место: вокруг дубовые рощи — не зря посёлок получил такое название, горы, леса, овраги, а внизу бушует Сулак. На горах и склонах рос ковыль. Он невзрачный, пока не расцветёт, а распушится — загляденье, особенно когда поднимается ветер. Он колышется волнами, как настоящее

море. Я собирала его в букет и любовалась, проводила по щекам — казалось, по мягкости и нежности ничего с ним не сравнится.

Весной, когда начал таять снег, я впервые в моей маленькой жизни нашла подснежники. Это было настоящее чудо! Они прекрасно пахли и были очень нежные и красивые. Каждый день, пока они не отцвели, я ходила туда и любовалась ими. Наверное, от этого первого чуда у меня в сердце навсегда осела любовь ко всем цветам без исключения.

А осенью я восхищалась желудями в коричневых юбках и серых шляпках. Они были похожи на гномиков и на грибы. Потом я собирала их с соседкой — тётей Марусей, для её хрюшек. Никто лучше меня не знал самые желудёвые места! Они — хрюшки, были очень забавные и очень любили жёлуди. Потом я узнала, что из желудей делали муку, и ею в голодные годы люди спасались от смерти.

Осенью весь овраг около посёлка заполнялся жёлтой, коричневой, последней — зелёной, даже чёрной листвой. Её туда сносил ветер, а ветра там бывали сильные и частые. Я во весь свой рост утопала в этой листве и вдоволь наслаждалась запахами осени. На некоторых склонах горы там росли карликовые дубы — это дубняк, он только листвой похож на большие вековые дубы, растёт кустом и недолговечен. Сухой дубняк похож на скелет и очень хорошо горит. Проверено мной — горит.

(Продолжение следует).

Магомед Бисавалиев

Сказ о чёрном камне, или Как пропала девочка

— Моя покойная бабушка говорила, что в Гортнобе у рода Малачиял есть чёрный плоский камень размером со сковороду. Когда сено, запасённое на зиму заканчивается, камень кладут в хлев для бараката. После этого сена легко хватает до весны. Если заканчивалась мука, камень клали в муку, и всегда у Малачиял были хинкал из пшеничной и кукурузной муки. Такой, баракатный камень есть у Малачиял, — говорит тётя. Увидев мою скептическую ухмылку, она продолжает: — Ле, васав, я тебе рассказываю, что услышала от старших, верить или не верить — твоё дело.

— Что за камень? Как можно камнем баракат держать? Это же ширк и опасная вещь по исламу, если кто-то верит в могущество камня... — говорю я, провоцируя тётю на продолжение разговора.

Тётя моя, женщина простодушная, подвоха не заподозрила и принялась рассказывать. Но знала она лишь часть истории. Вторую часть рассказала другая тётя. А детали, которые я по крупицам собрал, слушая женщин Джурмута, сделали историю объёмной и красочной. Дело было вот как.

— В Гортнобе (аул Джурмута) жил большой и зажиточный тухум, Малачиял звали их. Они име-

ли большие отары овец, наёмных чабанов, свои летние и зимние пастбища в горах и в Цоре. Овцы на зиму направлялись в Цор, а крупнорогатый скот оставался в горах. Там же, в горах, Малачиял построили сараи для скота и дома для людей. Часть зимы люди со своим скотом проводили на ферме, а когда сено заканчивалось, возвращались в аул ждать весны.

Как-то одна женщина рода Малачиял осталась на зимней ферме в местности Сугърухъ, чтобы ухаживать за скотом. За день до того, как её должны были сменить, выпал большой снег. Ни она в аул, ни к ней в Сугърухъ люди не могли пройти. Весь Джурмут был в заложниках снежной стихии. Сутками падал и не прекращался снег, лавины одна за другой шли, местами даже закрыли реки и образовали снежные плотины. Всё бы ничего, но женщина эта была беременна и очень скоро должна была рожать. Это знали и в ауле, но против снежной стихии пойти не могли, надо было переждать непогоду.

К вечеру шестого дня женщина выглянула из окна. Не разобрать было, где небо, где земля, где горы, — кругом бесконечное белое полотно, сливающееся с небом. Даже отвесные скалы,

высокие горы, леса и река Сугъру-ор, которая обычно видна была из окна, пропали из виду. Вьюга вилась вокруг её убогой сакли, билась в двери, хлестала по стенам. Сквозь завывания ветра пробивался другой вой — вой голодной волчьей стаи. Женщина знала, чей голос задаёт там тон и ведёт за собой остальных. Неделю назад, ещё до непогоды, она гнала скотину на водопой к речке, и тогда впервые увидела два огненных глаза, что следили за её коровами и бычками. Это был большой старый волк, вожак стаи. Ей случилось видеть, как его стая охотилась на туров, отбивая от стада одного и умело загоняя его к речке, где после недолгой битвы жертва падала с разорванным горлом. Но сейчас туры ушли высоко, спрятались в скалах, куда волкам было не добраться, и вожак искал новую добычу.

Вой всё приближался и усиливался, на какие-то секунды она даже обрадовалась, что в этом оторванном от остального мира месте на краю Вселенной есть ещё кто-то живой.

Но тут женщина услышала детский плач. Ребёнок сначала плакал где-то вдалеке, голос его был тих и время от времени пропадал совсем, словно буря задувала его, как свечу. Через несколько минут плач стал громче, отчётливей, как будто дитя поднесли ближе к сакле. Но тут опять завёл свою песню вожак, её подхватила стая. Женщина схватилась за живот и задрожала, чуточку успокоилась, когда в утробе шевельнулся ребёнок.

«Мамина девочка... никому не отдам... уходите, злые духи да волки... никому не отдам... маминааа...» — прошептала женщина и пошла в дальний угол хижины.

В очаге догорали последние угольки, у неё не было сил выйти за дровами, чтобы поддержать огонь. Голова кружилась, бросало то в жар, то в холод, ломило спину, а время от времени острая боль опоясывала её тело. К полуночи она родила. Девочка! — выдохнула измученная родами женщина, взяв ребёнка на руки; укутала малышку в то, что было под рукой, уложила рядом с собой и заснула. И приснилось ей, как через

окно вошла в хижину некрасивая женщина с длинными, запутанными волосами и стала перед ней.

— Ты кто? — спросила женщина.

— Гьорол эбел (Мать ветра), — ответила гостья и расхохоталась.

Женщине стало страшно — не к добру эта ведьма явилась, надо бы спрятать от неё ребёнка! Она потянулась за дочкой и проснулась. Её руки продолжали искать ребёнка, но не находили. Двери хижины были заперты изнутри, на окне деревянный засов. А дочка нет. Женщина вскочила, принялась встряхивать лохмотья, которыми укрывалась, подбежала к двери, с большим трудом отворила её. Было раннее утро, снегопад прекратился, но солнце не выглянуло ещё. Почти по пояс снег был у входа. Нетронутый снег. И никаких следов на нём. Женщина обхватила руками голову, опустилась на корточки и по-звериному завывала, раскачиваясь из стороны в сторону.

На одиннадцатый день после снегопада горнобцы добрались до фермы Сугърухъ. Скот в сарае хором замычал, услышав их приближающиеся голоса. Но женщина не вышла к ним навстречу. Они нашли её в хижине, всё так же сидящую на корточках и обезумевшую от горя. Такой и привезли её в Гортноб. Там она немного пришла в себя и рассказала им и про сон, и как ребёнок пропал.

— Ты точно помнишь, что женщина приходила во сне? Может, это не сон? — поинтересовалась одна.

Её тут же заткнули старшие и объяснили, что это место отрезано от мира, и не было на снегу никаких следов, кроме тех, что оставили добравшиеся до фермы сельчане.

— Что тут гадать, на всё воля Аллаха! Твою дочку забрали или будалаи или джинны, существа нашего мира не могли через запертую дверь дочку забрать, — сказала как отрезала старшая тухума Малачиял.

И женщины увели несчастную мать домой.

Прошло много лет, много воды реки Сугъру ор утекло после той злосчастной ночи, женщина, лишившаяся своего ребёнка, жила обычной размеренной жизнью. Что странно, у неё не было ненависти или отвращения к тому месту, где произошло несчастье. Напротив, её манило туда.

Там её встречали золотистые рассветы и багряные закаты осени, красивая зима со снегами и тихими изумрудными речками, где сверкает каждый камушек на дне. Там наступала шумная цветущая весна и щедрое, неописуемо красивое лето; её туда тянуло, тянуло, несмотря на несчастье, которое её там постигло.

Там со всех холмов на неё смотрели вожаки — стражи горных туров, что охраняли покой своих стад; из лесу за черникой на поляну выходила медведица с медвежатами; а из-за поворота на тропинке, что вела к речке, за ней следили два огненных глаза серого волка-вожака.

Ни людям, ни себе женщина не могла объяснить этой своей тяги, противоестественного желания бывать там, где её жизнь была сломана, и такого же противоестественного покоя, который она испытывала, оставаясь одна на ферме.

И однажды глубокой осенней ночью всё прояснилось, и были даны все ответы, отмечены все предположения и догадки, развеяны сомнения, что копились десятилетиями.

В ту ночь она сидела перед очагом и грелась у огня. Никого не было на ферме. Ночь была тихая, будто всё живое замерло в ожидании долгой снежной безжалостной зимы. И эта тишина была разорвана как подол платья, зацепившегося за ключий кустарник. С протяжным скрипом медленно приоткрылась дверь хижины.

Но никого не было у порога. Вдруг метнулось пламя в очаге, скрипнули брёвна старого дома, и прозвучал чей-то голос:

— Ва, Малачиязул яс!!! Дур ясалъ вас гъувуйла, вас вехъзи егъи!!! (О, дочь тухума Малачи-

ял!!! Твоя дочь родила сына, приходи его навестить!!!).

Женщина никогда ранее не слышала такого голоса. Невозможно было определить, чей он — мужской или женский, ещё сложнее понять, откуда он доносился — справа или слева, сверху или снизу. Казалось, он заполнил всё ущелье, и каждое слово многократно повторялось эхом, будто скалы перебрасывали его друг другу, пока последнее, уже еле различимое, не затерялось где-то в глубоких расщелинах.

«Дочь сына родила... сына родила... сына родила... навестить... навестить...», женщина беззвучно повторяла эти слова. Голос ей не подчинялся. Ей не подчинялось и её тело. Она словно оцепенела и продолжала сидеть, держа в руках хворост, что минуту назад собиралась бросить в огонь, и смотрела на стену. Там, в прямоугольнике света, чернела её собственная сгорбленная тень. Но тут тень вдруг распрямилась, будто сбрасывая годы и горести, согнувшие её, и с запозданием на секунду женщина повторила это движение. Тень вскинула руки, и руки женщины сами собой взлетели вверх. Тень метнулась к двери с изяществом юной девушки, и женщина последовала за ней, чувствуя себя молодой, гибкой и сильной, готовой идти за голосом на край света — хоть через реки и пропасти, хоть в лес и в горы.

Горы и леса, реки и пропасти сверкали под лунным светом и молчали, будто ничего не произошло.

«Я должна идти туда... туда, где моя дочь...» — повторяла женщина, шагая вдоль реки по узкой тропинке вверх. Она никогда не была в этих местах, но ступала уверенно, как по собственному двору. Ей не приходилось искать тропинку, та сама ложилась ей под ноги, уводя от невидимых расщелин и опасных склонов. Неизвестно, сколько длился этот путь, но вдруг перед ней выросла стена заброшенного хлева. Дальше дороги не было.

Луна зашла за дальние горы, стало совсем темно. Уверенность покинула женщину, страх пополз, сжал холодной рукой сердце. Но тут ей в лицо дунул лёгкий ветерок, и она услышала голос, который узнала мгновенно, хотя раньше не слышала его никогда. Это был голос её дочери, пропавшей в день своего рождения:

— Иди в сторону Киблы по узкой тропинке, пока не закончится она. Когда не будет дальше дороги, закрой глаза, прочитай «бисмилах», шагни

вперёд правой ногой, и ты меня найдёшь. И запомни, — сказал голос дочери на чистом джурмутском диалекте: — Квензи кьураб — бослугигуй, кодоб кьураб — толугигуй (То, что кушать дадут, — не трогай, то, что с собой дадут — заberi).

И пошла женщина, как ей сказали, и оказалась в красивом доме. А там её встретила молодая красивая женщина — её дочь, с мальчиком на руках. Рассказала, что забрали её джинны, вырастили, выдали замуж, и родила она сына. Сколько просидели, обнявшись, мать и дочь, какие слова они говорили друг другу, нам неизвестно.

Только через какое-то время позвали их джинны к трапезе. Во все глаза смотрела женщина на джиннов, молодёжь танцевала и пела, остальные — кто работал, кто молился, и похожи все они были на людей Джурмута.

За столом отвели матери место, на которое сажают самых почётных гостей, но поглядела она, чем её угощают и увидела, что это ослиный навоз и кровь зарезанного барана. Поблагодарила она джиннов, но не притронулась к их еде. А когда закончилось застолье и разговоры, старший из джиннов спросил, не желает ли она остаться с ними. Стала просить женщина, чтоб отпустили её обратно в человеческий мир.

— Хорошо, — согласился тот, — пусть будет так, как ты сказала.

Она попросилась с дочерью, а когда уже выходила из дому, старший из джиннов дал ей чёрный камень размером со сковороду и сказал:

— Держи это. Пока дома этот камень будет, ваш род не узнает, что такое голод, и будет всегда баракат. За дочкой больше не ходи и забудь её. Считай, что её река унесла или под лавину попала. А от лавины и реки никакой опасности вам от Сугърухъа до Гортноба не будет.

Так и вернулась женщина от джиннов к людям. Камень тот остался у Малачиял, и не знали они ни голода, ни холода, ни других тягот жизни, что выпадали на долю других джурмутцев. И это всё благодаря баракату чёрного камня. Так рассказывают люди.

Можно этому верить, можно не верить, но, как утверждают сами гортнобцы, по той дороге от Сугърухъа до Гортноба, где ненадёжные тропы, снежные лавины, опасная река, пропасти да камнепады, не было с тех пор ни одного несчастного случая, который унёс бы человеческую жизнь.

Дамир Саидгазин

Муравьи появились в домах махачкалинцев в конце весны. Это были крохотные, почти прозрачные создания, похожие на тоненькие чёрные проводки. Горожане со всех концов столицы рассказывали друг другу о внезапном появлении насекомых в своих жилищах. Уже к середине лета стало понятно, что избавиться от них невозможно.

Появившись незаметно, муравьи сначала не доставляли жителям хлопот. Шутили, что их занесло ветром, дувшим с противоположного берега Каспийского моря. Кто-то из горожан будто бы видел, как в определённые часы муравьи выстраиваются в буквы арабского алфавита и составляют какое-то послание. Были и те, кто говорил, что насекомые пришли из исчезнувшего города, существовавшего когда-то на территории Дагестана. В нём, на окраинах, время текло медленнее, чем в центре, а жители, бродя в полдень по тротуарам, видели сны наяву. Другие же утверждали, что, наоборот, у муравьёв на самом деле никогда не было своего места обитания. Что они как знамение приходят всякий раз, когда маленький город навсегда превращается в крупный мегаполис, — а затем, построив маршрут, перемещаются в другое место на планете.

Как бы там ни было, никто не знал, как от них избавиться.

Кочевники

Со временем муравьи стали обнаруживать себя везде, в самых неожиданных местах. Сначала это были кухни горожан, источавшие разные ароматы. Чуть только заходило солнце, как они с азартом набрасывались на сахарницы, забытые на столе конфеты, на сладкие дорожки, оставшиеся от чая. Потом махачкалинцы стали обнаруживать их в шкафах, облепившими мешки с мукой и пакеты с рисом. Насекомые собирались у мусорных корзин и тонкой струйкой стремились на запах.

От муравьёв нельзя было скрыться нигде. Они с одинаковой последовательностью брали в плен частные дома и квартиры в многоэтажках, старые здания и новостройки. Шли по обоям и карнизам, вылезали из-под плинтусов и поднимались по ножкам столов. Пробегали между строк на экране ноутбука и изучали корешки книг. Их ловили повсюду — в постели и в ванной, в кладовках и на антресолях.

Долгое время с ними никто не боролся — люди просто выжидали, будто тибетцы, оккупированные китайцами. Потом стали применять разные отравляющие средства — в ход шёл дихлофос и разные мелки, порошки и отравленная еда. Служба дезинфекции не справлялась с поступавшими заявками. На время эти меры останавливали

Светлана Анохина

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Вишневый бокал

Спрашиваешь, почему я с ним живу, если так часто ссоримся? Знаешь, он меня смешит. Одного этого достаточно, в принципе. Но есть ещё кое-что.

По большей части, я, конечно — «любимый» да «Рыженький», — максимум, что позволяю себе: «любимый, сиди на жопе ровно!». Но иногда неожиданно включается Щитовидка. Раздаётся щелчок, и всё вдруг резко меняется. В первую очередь — я сама. Тогда могу и по-другому. Наорать, например. Громко. И ещё много чего натворить.

Но тут дело такое... Эта чёртова Щитовидка вдруг так же резко выключается, кураж пропадает мгновенно, оглядываешься растерянно: что там, что? — и будто очутился прямо в зале, где полно нарядного народа, а ты совсем без штанов. Как сюда забрёл? Почему? Каким боком пролезть теперь к двери и вернуть всё обратно, отмотать плёнку до момента, когда ещё и мысли о бесштанности не могло быть?

В общем — беда и позорище. И тут нужно, чтобы тебе помогли. Потому как ты застрял в трубе, тебя там прищемило и самому не выбраться. Только чужие руки могут, остороженько, за хвост, за лапки, проворачивая в нужную сторону...

Я не могу сказать, в какой момент мой бронепоезд медленно вырулил с запасных путей и пошёл вперёд, неотвратимый, как Божия гроза. Факт, что вырулил и пошёл. На Рыжего, само собой. Единственное, что я смогла сделать — это кидать бьющееся не в него, а в стенку, рядом с его бесценным организмом. Когда очнулась, оказалось, что сижу на диване и стараюсь делать каменное непреклонное лицо. С дивана слезать потрухивала, потому что вокруг было колко. Если фигачишь об стену сначала вишнёвого цвета, высокий и узкий, ещё бабушкин бокал, а затем тарелку, уворованную кем-то из друзей из столовки и принесённую к тебе как трофей, а за ней ещё и пепельницу, — нельзя рассчитывать, что будет неколко.

Ссора началась, потому что я люблю, когда он вечером дома, и он сказал, что никуда не собирается; и я уже представляла, как мы будем валяться на диване, глядеть в телек, держать друг друга за руку и болтать о чепухе. У меня даже уже был смех припасён над какой-нибудь его очередной фразочкой, и я планировала щекотно попыхтеть ему в ухо, как ёжик, чтоб хихикал и уворачивался, и говорил мне «Маару-у-уся ты!».

А тут вдруг Рыжий резко передумал и засоби-рался на какую-то свою идиотскую репетицию. И все мои ёжиковы пыхтения и смех, и «за руки» — всё накрылось. Я страшно за них расстроилась, будто я когда-то родила деток и мужественно их растила одна, а потом привела наконец-то знакомить с папой, нарядила их, вымыла и гордилась, а он на них даже не взглянул, сказал, что некогда.

Некоторые люди, когда расстраиваются, они тихо плачут или уходят на кухню стоять у окна в майке, молчать и много курить. Я им завидую. У них есть стиль. У меня стилия нету. Я ору и кидаюсь всем, что под рукой. А потом сижу, как уродский дебил, понимая, что всё-всё-всё только что своими руками испоганила, и никакой нормальный мужик не останется дома, если его вот так тарелками и бокалом об стену уговаривать. И что сейчас он пожмёт плечами, переступит через осколки, выйдет и аккуратно закроет за собой дверь. А я останусь тут среди осколков. И он будет выглядеть достойно, а я — как полный мудак.

И выхода из ситуации нет. Нельзя же сначала кидать в человека тарелками, а потом, как ни в чём ни бывало, прикоснуться или заговорить с ним.

Я сидела, и мне было тошно. Я застряла в трубе, из которой откачали воздух: ни сказать, ни махнуть рукой, ни промычать примирительное — ничего нельзя, только глядеть, как Рыжий пожимает плечами, выходит из комнаты и... вдруг возвращается с веником и совком! И начинает всё это безобразие, мною учинённое, тихонечко подметать. Ну, будто он один был дома и случайно что-то опрокинул.

И я тут сразу стала страшно виноватая и счастливая, что он меня вот так спас и выручил, и кинулась к нему, и стала эти веник-совок у него из рук забирать, и немножко плакать от облегчения, от счастья вернуться туда, где есть место для слов, и бормотать, что дура, что больше не стану никогда..

А он так голову поднимает и спокойно говорит: «Знаешь, мне этот вишнёвый бокал никогда не нравился».

Дверь

Мне из той, прошлой квартиры, ещё потому было жалко уезжать, что там была Дверь. То есть там много чего было. Три комнаты, например. Центр города. Телефон городской. Разрисованные стены и кафель на кухне, и бардак-бардак-бардак, но ещё там была Дверь.

Я её знала в лицо, а ещё лопатками. Лопатками — больше.

Так-то ничего не было видно, не было видно, КАКАЯ она. На двери висел рулон обоев на верёвочке — мы называли его дацзыбао, и всё там писали. Херню разную. Кто-то — замысловатое, кто-то просто — «здесь был я». Отмечались, так скажем, для вечности. А вот под рулоном... Под ним, если его отодвинуть — вся дверь была в оспинах. От ножа. Сколько оспин — столько раз я выжила и не поранена. Сколько оспин — столько стежков.

Пришью, пришью, крепко пришью суровой ниткой, и узелок завяжу, и перекушу зубами потом у самого узелка — куда ты, мил человек, денешься.

А Рыжий, дурак, ничего не понимал. Он думал: это жуть, как круто. То есть в первый раз вообще не думал, просто кидал в эту дверь ножик и гордился, какой он до хрена меткий и говорил о Вильгельме Телле.

— Ах, вы Телля хотите? Будет вам ужо мертвец!

И пошла, и встала, и лопатками к двери прижалась — давай. Чувствую — я такая большущая, что всю дверь закрываю — что там остаётся — слёзы, сантиметра два-четыре, где меня уже нет. Он и кинул. Я не видела, как он руку занёс, как нож выпустил, потому что смотрела ему прямо в зрачки, и они были так близко, будто прямо передо мной, хотя на другом конце комнаты. И Рыжий весь прямо побелел. А нож воткнулся довольно далеко от меня. Ладони полторы от моей головы. И это было, конечно, неинтересно. Поэтому мы решили опять кидать. И кинули ещё три раза. И каждый раз я держала его глазами. Его зрачки.

Ну так и пошло потом. Мы часто это делали, особенно ему нравилось, когда люди. Когда они смотрят и отговаривают, и пугаются. А я была совсем как какая-нибудь цирковая женщина или лошадь. И тоже это любила, потому что мы тогда были так рядом, так невозможно близко, как даже в постели не были.

Только потом он осмелел совсем. Ну это же понятно: сначала кидаешь подальше, чтоб не задеть

ненароком, а потом всё ближе, ближе, ближе... Правильно ведь? И мне его всё труднее становилось удерживать. Больше всего я боялась, что он попадёт в лицо, и у меня будет шрам. А про остальное я даже и не думала. Как это? Вот эта железяка может в меня натурально воткнуться? И станет из меня торчать, будто отродясь там была? Не-воз-мож-но!

Впрочем, я так же думала, что не могу упасть никогда, — где бы ни лазала, по каким бы перилам. А потом как-то мы все, на ночь глядя, поперлись на одну знаменитую львовскую крышу, сидели там с друзьями, и спускались уже на лесенку, когда у меня из-под руки ушёл кирпич. Просто выпал. И Тимка Сулейманов охнул и протянул мне руку, но не ту, что надо, а дальнюю, неудобную руку, потому что в той, что надо, у него был пакет с яйцами; он их берёт и не сумел бросить. И я покатила по ступенькам, как миленькая.

Так и тут получилось. Он опять кидал. Я опять стояла как звезда-растопыра и держала его глазами, но уже не так крепко, не так напряженно, как раньше и ножик воткнулся не туда, куда нужно. Нет, он меня совсем несильно задел, только царапнул подмышкой, даже шрама не осталось, но я поняла, что хватит. И вовсе не потому, что страшно. Просто стало ненужно. Я про себя как бы всегда знала, что если чуть-чуть он меня заденет — что-то изменится, и все эти «стежки» заработают. Такая бытовая магия, что ли. Никто мне не говорил, а я была уверена.

А Рыжий страшно перепугался и стал какой-то серый. А потом я от этой двери — или нет, уже от Двери — отошла и увидела, что мой контур там остался. Не очень чёткий, конечно; ног, например, не было, что за интерес в ноги целить, когда голова торчит и она — самая главная.

Ну вот. Больше мы так не развлекались. Не потому, что напугались, а отпала надобность, что ли. А потом вообще переехали. И сейчас в дверь особенно не покидаешь, потому что она из стеклянных кусочков непрозрачных и между ними только узкие деревянные штуки, туда и нормально, без меня, стоящей — хрен попадёшь.

А однажды Рыжий с какой-то тоской сказал: эх, жаль, что я тебя тогда не прирезал.

Ага. Поздно спохватился, брат.

Секретная жена

Пришёл грустный, глаза — в сторону: «Ты, давай того, — говорит, — хватит про меня писать в своей газете». Оказывается, это ему кто-то из дружбанов рассказал, что напечатали в газете смс-ку, мол, надоело нам уже, Света, читать, про вашего Рыжего, так что заткнитесь. И он огорчился. Ха, я бы тоже на его месте огорчилась. А на своём — смеюсь и пожимаю плечами.

Вот странные какие люди! Да что может быть интереснее, чем Рыжий, и всё, что он делает? Курс валют, что ли, прогноз погоды? Я понимаю — не всем такое счастье наблюдать его в естественных условиях, — потому и пишу, чтоб хоть от меня узнали: что там и как. А это уже похвальное культуртрегерство и где-то даже альтруизм, потому что в лице Рыжего я несу в массы «прекрасное», причём мне лично принадлежащее. Щедро делюсь, так сказать. Хоть и

с использованием служебного положения. Впрочем, все мы, так или иначе, используем служебное положение. Только одни, например, продвигают мысль об исключительности своей национальности, конфессии или убеждений. А у меня нет национальности, конфессии и убеждений, но есть зато Рыжий и его абсолютная удивительная исключительность.

Но народ раздражается. Народ у нас вообще странный. Он считает, что целоваться на скамейке — это неприлично, а вот к сварам, скандалам и дракам относится с пониманием. Мне рассказывала подруга, как пришли они с мужем на одну свадьбу, и было там, на свадьбе, небольшое буйство. Сначала пацаны подрались, а потом муж с женой за столом поцапались и спешно ушли домой доругиваться. А через пару дней выяснилось, что присутствующие этого совсем не запомнили,

а запомнили, что муж моей подруги всю свадьбу сидел, приобняв её за плечи, и если танцевал — то только с ней. С законной женой. И свадебный народ посчитал это совсем неприличным и долго-долго ещё обсуждал, цокая языком и укоризненно качая головой. Мол, совсем они там, в Москве, распоясались и забыли здешние замечательные порядки.

А порядки, как мы помним, такие: на людях нежность и любовь не демонстрировать. Ни к жене, ни к детям. Наорать, приструнить, цыкнуть, чтоб знали своё подчиненное место и молчали — пожалуйста, а приласкать — ни-ни. Любишь жену — люби. Только — тссс, шёпотом, секретно. Чтоб никто не заподозрил. И потому в высоких кабинетах густо висят портреты исторических деятелей и государственных мужей, но очень редко случается, чтоб на столе, среди важных бумаг стояла в рамочке фотография семьи, где дети, жена и все смеются... Только некоторые всё же из этого режима строгой секретности вырываются. И тогда мужчина на од-

ном из дагестанских форумов публично рассказывает, какое это невозможное счастье купать, кормить и укладывать спать двухлетнюю обожаемую дочку. Или таксист, подвозящий меня на работу, по дороге начинает говорить «за жизнь», и вдруг в его речи, обычной, даговской, проскальзывает ласковое «жёнущка». Не «супруга» и не «хозяйка». За эту «жёнущку» я его чуть не расцеловала.

И вот что я думаю. Я думаю, что писать о любимых это есть очень хорошо и правильно. И говорить о них на всех углах. А эти злые смс-ные люди просто завидуют. Наверное, их женщины про них не пишут. И не говорят. И не ревнуют к Уме Турман и английской королеве. А если твоя женщина хоть разок в месяц не ревнует тебя к Уме Турман и английской королеве, если она не уверена, что Ума Турман и английская королева только того и ждут, чтобы ты пригласил их в кафешку «Три желания» или в пивбар «Прибой», — значит, полный ты лузер, и ничего в жизни у тебя не состоялось!

Byron 2011
Photography by M.

JUAN-SEBASTIAN
DE
ELCANO

BORDA
ARDOAK

JUAN SEBASTIAN DE ELCANO
1493-1520
Elcano descubrió el primer camino marítimo de España a las Indias Occidentales por el Océano Índico.
1519-1522